

Ирина Коблова

Убийца
наваждений

Ирина Коблова

Убийца наваждений

«Автор»

2012

Коблова И. В.

Убийца наваждений / И. В. Коблова — «Автор», 2012

ISBN 978-5-699-57206-9

Неспокойно в Иллихейской Империи... Из запредельных областей мира в нее все чаще проникают наваждения, или мороки, как их называют коренные жители столичного города Лонвар. Мороки – это порождения человеческого страха перед потусторонними силами. Чем сильнее страх, тем реальнее мороки. Одни из них питаются людскими эмоциями, а другие не брезгают и человеческой плотью. И только боевые маги способны противостоять нашествию воплощенных наваждений. Молодому боевому магу Темре поначалу сопутствовала удача. Он уничтожал морока, прежде чем тот успевал высосать людскую душу, а то и полакомиться человечинной. Но даже самому удачливому магу рано или поздно приходится столкнуться с еще более удачливым врагом...

ISBN 978-5-699-57206-9

© Коблова И. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Мороки Лонвара	6
Смеющийся Ловец	33
Ким Энно	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Антон Орлов Убийца наваждений

Мороки Лонвара

Поднебесная, одна из тех густо застроенных лонварских горок, где в пасмурную погоду отяжелевшие облака цепляются за печные трубы, а то и устраиваются подремать на влажных черепичных крышах, славилась своими закусочными. Нигде больше не умели так запекать придонную толстобрюшку под сырным соусом или варить кавью – экзотический напиток из жареных коричневых зерен, которые возят из-за океана, из далекой Иллихеи.

Удовольствие стоило того, чтобы взбираться по старым выщербленным лестницам и наклонным мостовым, однако Темре поднялся на эту верхотуру не ради еды. Ему хотелось побыть в одиночестве, но так как уединение в четырех стенах не представлялось надежным – найдется, кому его нарушить, – он отправился туда, где с утра до вечера гвалт и сутолока. Бывает, что в толпе затеряться проще, чем в собственной квартире.

Хозяин забегаловки с двусмысленным названием «Крабий пир» окинул его одобрительным взглядом: посетитель из приличных. Хорошо одет, лицо задумчивое и невеселое, но спокойное. Не зыркает по сторонам, нет в нем того потаенного напряжения, которое выдает сквернавца, прикидывающего, как бы пожрать да сделать ноги, не заплатив.

Ладно скроен, гладкие темные волосы собраны в консервативный хвост на затылке. Худощавое смугловатое лицо выглядит аристократически красивым, хотя сразу видно, что это один из паршивых гронси, которые поналезли в Лонвар со своих паршивых островов, а вовсе не чистокровный венгос вроде самого хозяина – характерно раскосые глаза цвета морской воды выдают мерзавца с потрохами.

Впрочем, владелец «Крабьего пира» был человеком тертым и знал, что гронси тоже друг дружке рознь: в большинстве они нагловаты, шумны, сварливы, но порой среди них попадаются индивиды до того образованные и культурные, что далеко не всякий венгос с ними сравнится. Сдается, этот парень из таких.

Темре потребовал кавью двойной крепости без сахара. По слухам, в Иллихейскую Империю, где ее выращивают, она попала из другого мира, который временами посещают тамошние жрецы-маги. Может быть. Ему нравилось об этом думать, сидя с чашкой восхитительно горького темно-коричневого напитка на небольшой открытой веранде закопченной закусочной.

Далекie чужие миры, столь же далекая и загадочная Иллихея, до которой плыть и плыть, изысканная горечь кавьи... То, что нужно, чтобы хоть на четверть часа забыть о проблемах.

Проблемы были какие всегда – Соймела и родственники. Всем подавай денег. Так повелось, что за деньгами они шли к Темре, а тот не мог отказать ни бывшей жене, ни ораве родных попрошайек.

Вот уже с месяц, как он сам всю экономил. Никакой работы. Тишь да гладь, словно вернулся на землю золотой век. Ученые маги объясняли это тем, что *хаддейна* – одна из незримых оболочек мира, тонкая темная субстанция, заполненная бесчисленным множеством вероятностных зародышей, пребывающих, как выразился автор монографии на эту тему, «в сослагательном состоянии», – в настоящее время находится «в фазе полного покоя и повышенной вязкости».

Как долго это продлится, неизвестно. Кому счастье, кому не очень. Если б Темре взял за правило что-то откладывать на черный день... Но тут отложишь при таком количестве спингрызов! В придачу к этому компенсацию за ущерб, причиненный его соседям и домовладельцам в ходе разборок с Клесто на двух прежних квартирах, он закончил выплачивать не так давно, как раз перед началом затишья. Спасибо еще, те, чье имущество стараниями Птичьего Пастуха пришло в негодность, оказались людьми сговорчивыми и согласились на рассрочку. Темре меланхолично, с примесью досады, вздохнул: не стоит сейчас об этом. Кавья слишком хороша, чтобы портить себе удовольствие бесполезными сожалениями.

Одетая в булыжную чешую улица горбом выгибалась к дымному поднебесью, которое выглядело как на рисунке, где густо раскрошили синий, лиловый, серый карандашные грифели и все это, перемешав, растерли. Лонварское небо всегда такое, слишком много в этом городе

труб, днем и ночью изрыгающих клубы дыма, который постепенно расплывается, добавляя воздушной бездне зыбкой прозрачно-пепельной мглы. Кто-то знаменитый поэтично назвал Лонвар «столицей пара», но правильное было бы назвать его «столицей копоты».

Стены кирпичных домов с балаганно-пестрыми вывесками испятнал многолетний черноватый налет. В закусных и лавках не протолкнуться, улица тоже кишела народом. Сквозь запахи гари, специй, жареной рыбы, гниющих отбросов и кавьи изредка пробивался, налетая с порывами ветра, запах моря, которого из-за тесной застройки отсюда не было видно.

Веранда с ветхими деревянными столбиками и подвешенными на веревках плоскими бронзово-рыжеватыми рыбинами, высушенными до состояния несъедобного реквизита, смотрела на улицу из своей ниши, словно театральная ложа на сцену. Мимо сновали прохожие, людской гомон мешался с городским шумом. Солнце сияло из клубящейся слоистой синевы, словно заблудившееся в грязноватом зеркале отражение.

Темре заказал вторую чашку двойной кавьи, на этот раз с тремя ложками сахара. Сейчас он медленно, смакуя, выпьет ее, расплатится с хозяином, а потом неспешно спустится по истертым каменным ступенькам на улицу Стейго Кальмарборца, прогуляется вдоль канала с таким старым, что он уже крошиться начал, барельефом на парапете, изображающим историю Стейго и Царя Кальмаров. А потом неплохо бы зайти в магазинчик иллюзий на улице Вернувшихся Кораблей и справиться насчет новой рамги Ким Энно. Хотя определенно еще рано, сказали же – в конце месяца. Но почему бы не завернуть туда по дороге?

Хозяин, в свою очередь, поглядывал на этого утонченно культурного гронси с нарастающим раздражением: нет бы обед заказал, так он расслабляет и кавью еле цедит, словно барышня в гостях! Выглядит порядочным господином, а жрать не хочет – никакой прибыли с такого клиента. Разве что взять с него за кавью втридорога...

Ни тому ни другому не суждено было осуществить свои планы.

Вначале изменился характер шума: вместо обычного дневного гула, свидетельствующего о деловой и благополучной людской суете, – вопли, грохот, визг, звон бьющегося стекла, надрывный собачий лай. Сразу вслед за этим стало темновато, как будто на солнце напозла туча.

Подняв взгляд, Темре увидел, что у тучи этой имеется отвислое грязновато-белое брюхо, как будто вырезанные из мутного льда плавники с черными шипами и несколько пар суставчатых конечностей с клешнями. Величиной это непотребство было с полтора дома, а то и побольше, и заслонило зажатое меж двух рядов крыш небо, враз погрузив улицу в тень.

Рыба-палач. Самые крупные из выловленных экземпляров достигают в длину трех бутов, или же трех локтей, как выражаются по старинке на Гронсийских островах. Обитает рыба-палач в шельфовых водах умеренного пояса. В водах, а не среди облаков! Зато каких только небылиц о ней не плетут, послушаешь – нервный озноб пробирает. Ага, особенно если слушатель способен представить себе последствия такого сочинительства...

Вот оно, последствие. Плывет по небу, застыл солнце, в одной клешне болтается белая тряпка – сорванная с подвернувшегося балкона простыня, в другой зажата откромсанная человеческая рука. Последнее скверно. Не только потому, что жаль беднягу: если морок успел кого-то убить и отведал крови, это придает ему сил – тем труднее будет с ним сладить.

Закончилась «фаза полного покоя». Хаддейна проснулась.

Проглотив остатки кавьи, Темре поставил чашку и поднялся из-за столика, вытаскивая из внутреннего кармана маску. В свернутом виде она была похожа на съежившуюся в комок медузу, в расправленном облепляла лицо и переднюю часть шеи. В первый момент ее обладатель выглядел как комедиант, которого ткнули физиономией в желе, но потом на пластичной белой субстанции проступали руны, как будто нанесенные черной и алой тушью, и зрелище приобретало более пристойный вид.

Маска убийцы наваждений – это не только средство защиты, прикрывающее лицо и горло. Это еще и рабочий инструмент, позволяющий распознать морок и определить его основные характеристики.

Чудовищно громадная и при этом неподвластная силе тяготения рыба-палач в «распознавании» не нуждалась. Сразу ясно, что она собой представляет, – этот возникший из ничего ужас, едва не задевающий брюхом трубы и флюгера, не чем иным, кроме как воплотившимся мороком, быть не мог.

Благодаря маске Темре разглядел, что ее плотность неоднородна, колоссальная туша как будто слеплена из разных кусков. Местами она была с виду вполне настоящая, а местами полупрозрачная – на таких участках сквозь нее просвечивали всполошенные птицы и похожие на маленьких дракончиков трапаны, небо в дымных разводах, солнце, которое никуда не делось, хотя сперва напрашивалась догадка, что рыба-палач его проглотила.

Коллективное исчадие. Это и хорошо, и плохо: с одной стороны, у такого морока немало уязвимых точек, с другой – чем больше народа влило в него свою силу, тем тяжелее с ним справиться.

Поднос с кружкой пива и тарелкой пряной ухи вывалился из рук хозяина «Крабьего пира», осколки разлетелись по полу, штаны и фартук забрызгало, но он ничего не замечал, оторопело уставившись на морское страшилище, нависшее над улицей. Потом опомнился и попятился к двери в подсобку, еле переставляя одеревеневшие ноги. Взгляд упал на преобразившегося гронси: на лбу и на щеках руны, вместо глаз тоже руны... Так вот что это за гость!

Повезло... Вернее, не повезло, что сюда пожаловал треклятый морочан, чтоб тем, кто вызвал его к жизни, до конца дней считать гроши, но зато подфартило, что этот парень оказался убийцей наваждений. Такому гронси можно все простить, даже то, что он не венгос, лишь бы свое дело сделал. Хозяин решил, что, пожалуй, не возьмет с него денег за кавью, пусть только не оплошает и развоплотит окаянную рыбину до того, как та успеет причинить ущерб заведению.

Поднебесную охватила паника – густой питательный бульон для набирающего силу морока. Что касается крови, тоже недостатка не будет: кое-кто застыл столбом посреди улицы, иные из жителей верхних этажей, нет бы им забиться в глубь своего жилья, прилипли к окнам, пытаясь рассмотреть, что там, снаружи, приключилось.

Высунувшись из-под навеса веранды, Темре вскинул сжатый кулак. На среднем пальце массивный перстень из тусклого потемневшего серебра. Прозрачный, как слеза, камень зашлифован восьмигранной пирамидкой. Благодаря наведенным чарам боевой перстень убийцы наваждений до поры до времени в глаза не бросался и свою истинную природу обнаруживал, лишь когда доходило до боя.

Из острия камня, направленного на морок, вырвалась серебристая игла. Длиной она была около бута и казалась нематериальной, словно сверкнувший в воздухе луч или световой блик. Она не смогла бы повредить ничему вещественному. Оказавшийся на ее пути человек ощутил бы внезапное замешательство или вспышку беспокойства – короткое беспричинное неудобство, которое в следующий момент угаснет. Зато на тварь, порожденную рыбацкими байками и ползучими людскими страхами, она подействовала как пуля со смещенным центром тяжести.

Нависшее над улицей чешуйчатое брюхо содрогнулось, в нем разверзлась рана размером с суповую тарелку. Ни крови, ни прочих естественных выделений: морок возник недавно и сожрал недостаточно, чтобы полностью уподобиться живому существу. Просто зияющая дыра, а внутри не то пустота, не то пока еще однородная темная масса – снизу не разобрать.

Вторая игла пронзила сустав конечности, нацелившейся в окно на третьем этаже дома напротив. За стеклом что-то мелькнуло. Жильцы, на свою беду, разглядели чудовище, и охвативший их ужас послужил приманкой: такие твари улавливают направленные на них человеческие эмоции куда лучше, чем звуки или запахи. Бурая бугристая клешня легко могла бы

выбить окно и схватить кого-нибудь из людей, но Темре успел раньше. После выстрела клешня повисла, будто гиля величиной с винный бочонок.

Суставчатых лап, покрытых по всей длине заостренными наростами, у рыбыны было восемь. На две пары больше, чем у ее реального прототипа. Все они, кроме свисавшей плетью поврежденной конечности, находились в полусогнутом положении и мерно шевелились, словно водоросли в полосе прибоя. Их движения казались ленивыми и умиротворенными – обычный для морских тварей обман: атакующая рыба-палач способна сделать внезапный рывок и сцапать добычу с молниеносной быстротой. Вряд ли морок лишен этого качества.

Единственное хорошо: не сказать, чтобы все они были одинаково опасны. Одни, более материальные, колыхались с хищной вкрадчивостью, как будто готовясь к броску, а те, что слегка просвечивали, больше напоминали неспособную на активные действия растительность, хотя и двигались в такт с остальными.

Коллективный морок состряпан из разнородного материала: кто-то из виновников в меру побаивался, но особого значения рассказам о рыбе-палаче не придавал, кто-то с упоением пугал других, а кто-то давился страхом и купался в страхе... Последнее – хуже всего. Хуже для Темре, которому предстоит расхлебывать их стряпню, раз уж ему повезло оказаться в нужное время в нужном месте. И вдобавок для тех, кто может пострадать.

Перстень выдавал по две иглы подряд, после чего требовалось некоторое время, чтобы он накопил энергию. Кристалл заимствовал силу у своего владельца, однако повлиять на него, чтобы заряжался поскорее, не было никакой возможности. Ученые маги давно пытались решить эту проблему – сделать оружие против порождений хаддейны более скорострельным, но пока не преуспели.

Конечностей, представлявших угрозу, Темре насчитал пять штук. Минус подстреленная. Осталось четыре. Прочие болтаются просто так, для пушного ужаса. Правда, это до поры до времени: если морок просуществует достаточно долго, они «оживут» и тоже станут опасными.

Настороженно сощутив глаза под маской, Темре оглядел с веранды обезлюдившую улицу. Народ попрятался в лавки и закусовые, на мостовой валялись оброненные в суматохе вещи – зонтики, газеты, галоша без пары, все еще дымящаяся трубка, длинный вязаный шарф, бумажный кулек, из которого высыпались крупные полосатые семечки мушгры. Все двери были плотно закрыты.

Жильцы здешних домов, кто поумнее, вспомнили «Правила поведения при явлении морока угрожающей категории» и укрылись в глубине квартир, но в некоторых окнах маячили бледные лица. Охотники до острых ощущений упивались зрелищем. То, что их страх, смешанный с болезненным любопытством, течет к мороку питательными ручейками, помогая ему восстановить силы, их, очевидно, не волновало. Каждый уверен, что уж его-то боги помилуют, пронесет.

Разбухшее рыбе брюхо накрыло улицу, как будто между крыш противостоящих домов приладили провислый грязный тент. В воцарившемся сумраке, словно в мутной воде, вяло шевелились громадные ледяные плавники с похожими на черные копыя шипами. Они были парные, справа и слева, и тяжело шоркали по стенам, оставляя на закопченном кирпиче царапины. Ударился о булыжник, сбитый с балкона ящик с зеленью.

Характерного для морских животных запаха не было: в злополучных байках, вызвавших к жизни это страшилище, ничего не говорилось о том, как оно пахнет. Со временем рыба-палач наверстала бы упущенное, но Темре не собирался давать ей шанса. Скоро перстень снова будет готов к бою. Немного осталось.

Одна из конечностей взметнулась, раздался звон стекла, хруст выломанного переплета, завизжала женщина. Мелькнула розовая оборчатая сарпа, сверху закапала кровь. Темре все еще не мог ничего сделать. Крик стих, потом на мостовую свалился истерзанный труп. Желудок

у рыбыны пока еще не сформировался, и в ближайшее время глотать она никого не станет, но пролитая кровь, боль, ужас, агония – это для нее само по себе лакомое угощение.

Вот теперь можно! Сначала Темре выстрелил по той клешне, которая убила женщину, потом по другой, но во второй раз промазал. С кем не бывает. Гораздо хуже то, что он не удержался от острой вспышки досады, благодаря чему морок его заметил.

Убийца наваждений во время схватки должен жестко контролировать свои эмоции. Если забудешь о том, что твой противник иллюзорен, если поведешь себя с ним так, словно он настоящий, ты его не победишь, и никакой перстень тут не выручит.

То, чего нет, не должно вызывать эмоций, иначе получится, что ты сам же его подкармливаешь, подтверждая его существование. Темре это усвоил еще в пору ученичества, но никто не заговорен от ошибок. Сейчас он невольно усложнил свою задачу: вместо того чтобы бесстрастно ждать, когда перстень накопит следующий заряд, в ближайшие минуты ему предстоит спастись от страшных клешней.

Рыбина почуяла врага. Опасного врага, которого надо уничтожить, пока не поздно. Что им полезно, а что бесполезно, такие твари улавливают в два счета. Две уцелевшие конечности устремились к веранде «Крабьего пира».

Отступив к стене, Темре пихнул навстречу клешне столик. Тяжелая деревянная столешница, засаленная и отшлифованная бесчисленными прикосновениями, затрещала, когда в нее вонзились шипы. От второй клешни пришлось уворачиваться. Веранда была невелика, развернуться негде, а дверь, ведущую внутрь, с той стороны заперли, если не забаррикадировали. Разумный поступок, в полном соответствии с «Правилами поведения при явлении морока».

То, что вытворял Темре, напоминало безумную пляску на небольшом пятачке пространства, помесь танца и акробатического номера. Как на тренировке. Вся надежда на скорость и ловкость. Разминуться с клешней хоть на волосок. И по возможности без эмоций... Тварь его не видит. Где-то там, над крышами, на огромной рыбьей морде глаза, скорее всего, есть, но здесь, внизу, она его может только почувствовать. Не давать ей наводку. И в каждый момент хоть чуть-чуть ее опережать. Несколько раз его слегка задело, порвав одежду и ободрав кожу, от соприкосновения с торчащими наростами остались порезы. Нестрашно. Главное, чтобы клешня тебя не схватила.

Избавиться от столика твари не удалось, и он мотался на конце лапы, как своего рода стенобитное орудие, круша остальную мебель и столбики веранды. Не поймает, так зашибет... Навес, оставшийся почти без подпорок, предупреждающе закрипел, и Темре, перемахнув через перила, прыгнул на мостовую.

Перстень ожил. В этот раз и целиться не пришлось: он вывел из строя обе конечности, которые только что его ловили. Осталась одна последняя кроме тех, которые не в счет.

Устрашающе длинная лапа, обтянутая колючей, как терка, красновато-бурой кожей, вслепую обшаривала улицу в поисках противника. Под каким бы углом она ни изгибалась, вывих ей не грозил. Конечности настоящей рыбы-палача не обладают такой верткостью: у наваждений есть некоторые преимущества перед живыми существами. Покрытая шишковатыми наростами клешня сжималась и разжималась, демонстрируя шипы величиной с человеческий палец.

Темре затаился возле крыльца соседней закуской. Свои эмоции он загнал в глубь души, все равно что запер в чулане. До поры до времени. Пока представление не закончится. Благодаря этому тварь не могла уловить, где он находится.

Клешня доломала веранду «Крабьего пира», выбила несколько окон, вгрызлась в балкон, увешанный разноцветными чулками и салфетками, а потом, когда подошел срок, Темре подстрелил ее. Больше эта дрянь никого не угробит.

Вторую иглу он послал в рыбе брюхо. Громадная туша содрогнулась, и вслед за этим стало чуть светлее: морок начал выцветать и просвечивать. Плавники, похожие на огромные

зубчатые веера, казались уже не ледяными, а сделанными из тонкой прозрачной бумаги – ткни пальцем, и порвется.

На то, чтобы уплыть отсюда по небу куда-нибудь подальше, у иллюзорной рыбины не осталось сил. Если бы ее никто не трогал, ей бы удалось мало-помалу зарастить раны, тем более что люди продолжали подкармливать ее своим страхом и смятением, но еще два выстрела – и она утратила материальность, на глазах бледнея, истончаясь, распадаясь на туманные клочья. Вскоре и того не осталось.

Над улицей сквозь дымку смога вновь засияло солнце, налетевший ветер зашелестел разбросанными газетами. Темре вымотанно рухнул на стул под навесом «Морской тыквы», располагавшейся наискосок от «Крабьего пира». Костюм превратился в лохмотья, болели ссадины и царапины. Как обычно: морок сгинул, но последствия его визита никуда не делись.

Содрав с лица маску, убийца наваждений скатал ее в комок и затолкал во внутренний карман. В горле пересохло.

– Кружку пива. Большую. Или кавы. Или воды, – произнес он хрипло, услышав за спиной звук открывшейся двери и людские голоса. – Или чего угодно.

Осознав, что с чудищем покончено, народ высыпал наружу. На труп женщины в окровавленной розовой сарпге кто-то набросил простыню. Появились полицейские в полосатых красно-желтых шапках. Фотограф устанавливал напротив разгромленной веранды «Крабьего пира» громоздкий ящик на треноге, а его горластый помощник отгонял зевак, чтобы не лезли в кадр.

Удрученный хозяин заведения, хмуро поглядев на них, выругался себе под нос. Веранду соорудили еще при его покойной бабке, и все это время она служила на совесть, разве что вовсю скрипела в последние годы, а теперь ее чинить, это во сколько же ремонт обойдется, денег же не напасешься... Не мог этот паршивый гронси, чтоб его морочан сожрал, дразнить чудище где-нибудь в другом месте, как будто недостаточно вокруг закусовых! Ему и горя мало: сидит в «Тыкве», чтоб ей было пусто, и каждый норовит его угостить – герой сделал свое дело, а ты хоть по миру пойдешь, это его уже не касается.

Хозяин дождался, когда фотограф щелкнет, и лишь после этого с отвращением сплюнул. Если хотите знать его мнение, гронси – это всегда мерзавец гронси, каким бы культурным он ни выглядел.

* * *

Оглядываясь на свое прошлое, полное ошибок и сложностей на пустом месте, Инора не раз просила мироздание послать ей учителя. Мироздание услышало – и подбросило ей Кайри.

В конце концов, ему виднее, какой учитель кому нужен.

– Давай лезь сюда, потом будешь отдыхать!

Над глинистым гребнем с торчащими петлями корней белело в темноте сердитое треугольное личико. Хватаясь за корни, Инора с трудом вскарабкалась наверх и обессиленно усеялась на землю.

– Вставай, идем! – нетерпеливо потребовала Кайри.

Инора с трудом поднялась на ноги. Спотыкаясь в потемках, они зашагали в ту сторону, где в ночном небе золотилось зарево Лонвара, сияющего десятками тысяч огней.

Будь она здесь одна, вряд ли бы встала. Так и сидела бы, дожидаясь своей кончины. Это настигло бы ее еще вчера. Но Кайри, узнав, в чем дело, вместо того чтобы отправиться к родственникам, захватив с собой деньги и драгоценности, которые Иноре больше не понадобятся, силком потащила ее в бега.

Результат: Инора до сих пор жива, хотя все ее мышцы ноют от непривычных нагрузок, мысли плывут сами по себе, как будто их гонит ветер, а вокруг темень и холмистое взморье, озаренное светом громадной иззелена-серебряной луны.

Моря пока не видно, иначе его выдавал бы далекий манящий блеск. Оно прячется в ночи в той же стороне, где находится столица. Среди этих горok и буераков запросто можно хоть ногу подвернуть, хоть шею сломать, зато и на машине здесь не проехать.

Автомобиль, преследующий поезд, Инора и Кайри заметили из окна. Никакой ошибки: дорога тянулась параллельно железнодорожным путям, кое-где ее отделяла от насыпи лишь травяная полоса, и можно было разглядеть, кто сидит за рулем.

Она попросила девочку перейти в другой вагон, ведь это существо гонится за ней, а не за Кайри, но не тут-то было. На очередной станции уже в сумерках Кайри буквально вытащила ее из поезда – на другую сторону от дороги, из машины не увидишь – и, когда они укрылись за кустами, сунула ей под нос флакон с «сонной болтушкой». Такого Инора не ожидала. Морок тоже не ожидал и отправился прежней дорогой вслед за тронувшимся составом. До сих пор «маяком» для него служили эмоции Иноры, но поскольку та лежала в кустах без сознания, введенная в заблуждение тварь решила, что жертва поехала дальше.

Когда Инора очнулась, они с Кайри двинулись в Лонвар пешком через равнину Кнагато, где на четырех колесах не покатаешься. Не иначе эту пересеченную местность называли «равниной» в насмешку. Уже перевалило за полночь, а они все шли и шли, и столица ближе не становилась – словно луна над океаном, которая недостижимо висит у горизонта, вместе с ним уплывая от приближающегося корабля.

Браслет-фонарик со светящимися камнями на руке у Кайри слабо озарял землю, позволяя смотреть, куда ступаешь. Детская игрушка оказалась полезной вещью, без нее ни зги бы они тут не увидели. Порой с той стороны, откуда они ушли, доносились отдаленные паровозные гудки или начинал дуть ветер, у Иноры это вызывало ощущение мурашек по коже: вокруг ничего нет, а звуки и ветер есть.

Впереди опять выросла стена, заслонив зарево Лонвара. Склон очередной возвышенности. Попытка обойти препятствие закончилась тем, что их развернуло назад. Небо усыпано звездами, это позволяло если не ориентироваться – чересчур громко сказано, – то хотя бы отслеживать, по прямой идешь или забираешь в сторону.

– Полезли, – решила Кайри. – Вдруг *она* все поняла и тащится за нами?

Это помогло Иноре решиться, хотя склон был хуже предыдущих. Крепостная стена с выпирающими наружу корнями столетних деревьев-стражей. Может, и в самом деле в древности тут стояла крепость, а это ее остатки? Неизвестно, что здесь можно увидеть при свете дня. Не исключено, что ничего из ряда вон выходящего. Но сейчас Инора и Кайри штурмовали в темноте какую-то головокружительную кручу, которая все не кончалась и не кончалась, задираясь к звездному небу.

Кайри, легкая и ловкая, выползла на гребень первая.

– Ты где?

– Здесь... – выдавила Инора.

Сил у нее совсем не осталось, дыхание сбилось, и пальцы страшно болели – вот-вот разожмутся.

– Выбейся скорее!

– Я не могу... Больше не могу, сейчас свалюсь... Если что, иди в город сама...

Когда вокруг сплошная темень, трудно сказать, темнеет у тебя в глазах или нет. Никакой разницы.

В ее запястье вцепились тонкие пальцы.

– Лезь, я тебя держу! Давай!

– Пусти, – прохрипела Инора. – А то за мной утянешься, тут же высоко...

– Не болтай глупостей! – От злости девочка почти взвизгнула. – Я тебя держу, давай!

И вправду ведь не отпустит. Такие, как Кайри, своих в беде не бросают.

Она пыталась втащить Инору наверх, хотя где ей – скорее, сухожилие себе порвет. Эта цепкая лапка не разожмется, но удержать взрослую женщину ей попросту не хватит сил. А раз так, надо лезть самой, через «не могу», во что бы то ни стало... Стиснув зубы, стараясь не обращать внимания на боль в саднящих ладонях и измученных мышцах, Инора ухватила другую руку за корень, рывком подтянулась. Ничего не получилось.

Издав не то хрип, не то стон, она сделала отчаянный повторный рывок и, сдирая кожу на коленях, впиваясь пальцами в глинистую почву, вползла на гребень, чтобы сразу же распластаться на вертикальной поверхности. Видел бы ее сейчас кто-нибудь... Но, благодарение богам, милосердная ночь прячет это безобразие под своим непроглядным пологом. Ночь много чего прячет.

– Молодец, – похвалила Кайри. – Видишь, у тебя уже начинает получаться.

– Моя холла теперь похожа на половую тряпку.

Ехидное фырканье:

– Нашла из-за чего переживать!

– И пить хочется.

– В городе попьем. Ты уже отдохнула, вставай, идем дальше.

Лонвар снова мерцал впереди, напоминая горсть драгоценностей в выстланной черным бархатом нише. Город на холмах, город лестниц, мостов и канатных подъемников с украшенными резными панелями платформами.

– Ты помнишь, куда ты должна пойти, если со мной что-нибудь случится?

– Да перестань наконец мне это говорить! – яростно, словно Инора сказала что-то обидное, огрызнулась Кайри. – Хватит уже, чтобы с кем-то что-то случилось. Мы придем в Лонвар и там найдем кого надо, как мы решили. Этого Темре Гартонгафи. Он нам поможет, а дальше все будет хорошо. Ты как маленькая.

Свирепая интонация сменилась уговаривающей, словно она и впрямь успокаивала кого-то младшего.

Обычная для них сцена. Инора вдвое старше Кайри, она взрослая, самостоятельная и кое-чего добилась в этой жизни: в своей области она считается мастером не из последних. Но в то же время на каком-то глубинном уровне Кайри больше, чем она, видит и понимает – Инора ощущала это всегда, хотя ей катастрофически не хватало слов, понятий, определений, чтобы все это разложить по полочкам. Наверное, если сравнивать человека с узором, то Кайри – более сложный и объемный узор, чем она сама и множество знакомых ей людей.

Временами Инора чувствовала себя несчастной, временами начинала страдать из-за того, что вся ее жизнь – сплошное нагромождение ошибок и неправильно сложившихся ситуаций, которые должны были развиваться иначе, но реальность не черновик, не переделаешь. Несмотря на это, боги, видимо, все же взирали на нее снисходительно, раз явили милость и судьба свела ее с Кайри.

Они состояли в родстве, которое называют «в седьмой раз заваренный чай» – даже не троюродные, еще дальше, и познакомились, когда усердный душеприказчик еще одного такого же дальнего родственника, отошедшего в мир иной, разыскал Инору и Ольену, чтобы ввести их во владение недвижимостью.

Завещанная недвижимость смахивала на угрюмый старый шкаф, который антикварной ценности не представляет и ввергает своим видом в шок всякого нового гостя. Домик в деревне в двух десятках ювов от Олонвы. Инора отказалась от своей доли в пользу небогатого семейства Фейно. Зря, как выяснилось позже, потому что Джакута Фейно домик продал, а деньги пропил и проиграл, так что Ольене с дочкой с этого наследства ничего не досталось.

У Иноры с Ольеной завязались теплые, хотя и поверхностные родственно-дружеские отношения. Бывало, что она помогала деньгами троюродной кузине, изможденной, вечно растерянной и одержимой беспокойством за ребенка. Не то чтобы много помогала, в то время у

нее еще не было таких доходов, как сейчас. Через полтора года после того, как они познакомились, Ольга умерла. Кайри тогда было семь лет.

Выполняя данное Ольге обещание, Инора пристроила девочку в школу-пансион с хорошей репутацией. А потом забрала ее оттуда, после того как Кайри сказала, что иначе сбежит сама и постарается, чтобы ее не нашли. Учебные заведения с приличной репутацией порой бывают похожи на красиво оформленную клумбу: помотришь – загляденье, а копнешь землю, там такие червяки и мокрицы копошатся...

Оставить Кайри у себя насовсем Инора решила после нескольких состоявшихся между ними разговоров: о семье, об Ольге, о пансионе, обо всем подряд. Нашла для нее школу по-настоящему хорошую, не с репутацией – школа слыла неблагополучной, «самой разгильдяйской в западных кварталах Олонвы», – а с человеческой средой, в которой можно находиться, не испытывая желания сунуть голову в петлю.

К счастью для Кайри, Инора понимала, что общераспространенное мнение – это всего лишь кожа, верхний слой и всегда нужно смотреть, что лежит под ним. Для себя тоже к счастью: у нее появилась младшая сестра. Впрочем, когда младшая, а когда и старшая.

Прошлым летом к ней нагрянул Джакута Фейно. Вид у него был потасканный, но решительный, как у полководца перед боем или у игрока, собравшегося всем рискнуть, и будь что будет. Его преждевременно оплывшее лицо заросло белесой щетиной, под глазами висели дряблые мешки, а сами глаза смотрели в упор, оценивающе и в то же время с какой-то мутноватой нетрезвой веселостью. Он с нажимом попросил денег – «потому что мы не чужие, верно я говорю?». Инора дала ему названную сумму и сказала, чтобы больше не приходил, хотя не очень-то надеялась, что удастся так просто от него отделаться.

Вернулся Джакута через несколько дней. Во второй раз он вел себя наглее и заявил, что собирается забрать Кайри домой, он-де недавно женился, так что пусть девочка растет в родной семье.

Спровадив его, Инора почувствовала себя так, словно ей в грудь запихнули холодный тяжелый камень. То присаживалась, то вскакивала и мерила шагами комнату. По закону, Фейно имеет полное право взять дочь к себе. Если нанять адвоката, эта история выльется в бесконечный и муторный судебный процесс с баснословными расходами. Значит, придется раз за разом откупаться от «любящего отца», чего он, собственно, и добивался.

Вечером она предупредила девочку, чтобы та была осторожна, а то вдруг ее попробуют похитить с целью стребовать с Иноры сумму побольше? О первом визите Фейно она в свое время умолчала – Кайри его ненавидит, не хотелось без нужды ее расстраивать.

– Ты не будешь давать ему денег. – Темно-серые с прозеленью глаза еще больше потемнели и вспыхнули. – Ни гроша, пусть лучше подохнет! Мама умерла, потому что он ее бил.

– Он может тебя забрать.

– Пусть попробует. Это я тогда была маленькая и не могла защитить маму, а сейчас мне тринадцать лет.

– Все равно закон на его стороне. Преимущество отцовского права.

– Пусть хоть подавится этим законом, я все равно его отсюда отважу! Если он не поймет, что меня лучше не трогать, он сдохнет. Пусть выбирает, жить ему дальше или нет. Такие, как он, по-другому не понимают. А ты выкинь это из головы, все время беспокоишься о чем-нибудь на пустом месте.

– Так уж и на пустом. – Инора попыталась усмехнуться, но губы не слушались.

– Ага, сейчас повод более-менее приличный, а обычно ты переживаешь из-за ерунды. – Кайри, в отличие от нее, вполне успешно скорчила гримасу. – А если подходящей ерунды нет, ты ее где-нибудь найдешь, хоть на соседней улице, хоть в помойном ведре. Я все устрою, он дорогу сюда забудет.

Джакута и впрямь больше не появлялся. Ни слуху ни духу. Неужели совесть проснулась?

– Мы пригрозили, что убьем его, если он не отвяжется, – в конце концов призналась Кайри. – Он поверил, да я и не шутила.

– Мы – это кто?

– У меня есть друзья. Не бойся, не бандиты, но если какая-нибудь дрянь вроде него прицепится, мы друг другу поможем.

С тех пор Фейно им не досаждал. Зимой Инора навела справки и выяснила, что он сожительствует с такой же, как он сам, опустившейся пьянчужкой, бывшей торговкой с Лягушачьего рынка, и недавно у них родился ребенок, который, и месяца не прожив, умер в нетопленной комнате, потому что о нем забыли.

Когда на Инору неожиданно-негаданно свалилась эта сумасшедшая история с мороком, Кайри затеяла ее спасать. Своих друзей она впутывать не стала: убийцы наваждений среди них не было, а никто другой в таком деле не выручит.

Инора хотела сплавить ее в безопасное место, чтобы девочка не попала вместе с ней под удар. Ага, как бы не так.

– Я потеряла маму, еще кое-кого потеряла – из наших, ты его не знала. И я не хочу потерять тебя, – стоя посреди разгромленной комнаты (*она* убралась, на первый раз ограничившись порчей имущества, но это не значит, что *она* не вернется), отчеканила Кайри. – Поедем в Лонвар, а то в Олонве нет по-настоящему сильных убийц, здешние не справятся.

– Откуда ты знаешь?

– От людей, которые в этом понимают. Не бери с собой ничего лишнего. И поменьше переживай, ты же сама говорила, морок слышит, что ты чувствуешь.

– Слышит, если находится поблизости, – машинально уточнила Инора.

Ей никогда еще не приходилось от кого-то убегать. Придумывать что-нибудь в этом роде – сколько угодно, а в реальной жизни она влипла в приключения первый раз в жизни.

До Лонвара добрались на рассвете. Впереди посветлело и заблестело, вспыхнула розово-золотым сиянием ширь океана. Правее замаячил сплошной темный массив, пока еще не расслоившийся на отдельные строения, – это произойдет чуть позже, когда покажется солнце.

Инора оглянулась: равнина Кнагато с ее впадинами и причудливыми возвышениями напоминала в синем утреннем сумраке обнажившееся при отливе дно с дремлющими морскими гадами исполинских размеров.

– Кайри, посмотри назад!

Девочка посмотрела и кивнула. С ее осунувшегося после ночного перехода треугольного личика не сходило настороженное выражение. Инора тоже нервничала: им предстояло миновать путаницу замусоренных портовых закоулков, где можно встретить кого угодно – в некотором роде это опаснее, чем двинуться в потемках напрямик через Кнагато с ее ловушками.

Опасения оказались ненапрасными: на улочке, зажатой меж закопченных кирпичных пакгаузов, дорогу заступили двое забулдыг, похожих на Джакуту Фейно, словно их смастерил один и тот же всемогущий кукольник, и потребовали денег. У первого был нож, другой поигрывал бутылкой с отбитым донцем.

– Я все вам отдам, – произнесла Инора, стараясь выглядеть испуганной, – это далось легко, ведь она и правда испугалась.

И стиснула запястье Кайри, чтобы та не вздумала что-нибудь выкинуть: девчонка свирепела, если видела кого-то, смахивающего на Джакуту.

Грабители решили, что им с утра пораньше подфартило: эти две козы из богатеньких, хоть у них и обтрепанный вид. Темноволосая дамочка с заносчивой посадкой головы – мол, пусть и вывозилась в грязи, а все равно почище вашего буду. Ее элегантная холла из синего бархата с золотым шитьем по кайме была измазана землей и глиной. Худенькая белобрысая девчонка смотрела этакой крыской – тронь, палец откушу. Вместо холлы на ней была мальчишеская куртка, тоже хорошая и тоже по-свинячьи изгвазданная. Возникли даже опасения, что

их уже грабнули, нечего тут ловить, кроме как по женской части, но старшая вытащила из кармана пухлый кошелек – крупные купюры и несколько золотых монет, славная пожива.

– Остальное давай!

Наверняка у них есть что-то еще.

Дамочка молча сунула руку в карман крыскиной куртки и достала второй кошелек.

– Золото давай!

Ага, выгребла несколько перстней с камешками, которые перед тем, видать, поснимала со своих холеных пальчиков и припрятала, чтобы кому на глаза не попались, а все равно не помогло.

С такой поживой надо поскорее делать ноги, а то водятся тут хищники и покрупнее, которые всегда не прочь отнять у человека честно сорванный куш. Грабители кинулись бежать.

– Чтобы вам каждый день так везло, – процедила Инора, когда тяжелый топот затих.

Кайри усмехнулась, хотя ее колотила дрожь, и они торопливо зашагали дальше. Не нарваться бы снова. Впрочем, если на них опять нападут, Инора повторит тот же номер. Ей не жалко. Грабить мастера иллюзий – все равно, что черпать воду ситом. Даже если этому горе-мастеру приходится от своего же собственного морока бегать... Иллюзорные деньги и драгоценности исчезнут еще до захода солнца.

Похоже, судьба временно исчерпала запас припасенных для Иноры и Кайри пакостей, и до более-менее приличных кварталов они добрались благополучно. Сняли номер в гостинице на Облачной горке.

Сверху открывался вид на лонварский порт, и с небольшого балкончика, где развесили для просушки одежду, выстиранную гостиничной прислугой, можно было наблюдать за громадным трансокеанским пароходом под иллихейским флагом, который величаво двигался через акваторию к причалу. За большой, как башня, трубой тянулся шлейф дыма, на белом борту сияли золотом буквы: «Принцесса Куннайп».

Инора мечтала когда-нибудь побывать в Иллихее, но ведь она та еще домоседка, ей придется долго готовить себя к этой аванюре, и то надвое, что в конце концов она все-таки решится. Может быть, Кайри ее туда вытащит? Но сначала надо избавиться от нынешней проблемы.

В Лонваре народу – что песка в океане, миллионы людских эмоций переплетаются, смешиваются, кружат, словно вихри снега в метель, морок ее здесь не почует, если только не окажется поблизости. Сейчас самое главное – разыскать Темре Гартонгафи. Она не знала его адреса, только имя, а также то, что он убийца наваждений с недурным «охотничьим списком».

Внезапно вспомнив кое о чем, Инора не сдержала подавленного вздоха.

– В чем опять дело? – встрепелась Кайри, хотя, казалось, ее внимание было приковано к иллихейскому пароходу.

– Эта тварь растоптала абажур, который ты сделала и разрисовала. Помнишь, ты мне его подарила?

– Ну и что? – Девочка фыркнула, словно речь шла о пустяках. – Когда все закончится, я тебе новый абажур сделаю, еще лучше. Нашла, из-за чего переживать – из-за вещей! Как ты не понимаешь: вещи сами по себе ничего не значат. Они дороги, когда связаны с людьми. Если вещи пропали, зато с человеком все в порядке – значит, все замечательно, радоваться надо, поэтому хватит киснуть из-за этого абажура. А давай когда-нибудь потом в Иллихею сплавим?

* * *

Сошедшие с «Принцессы Куннайп» пассажиры многолюдной вереницей потянулись за светлым должностным лицом к конторе Гостевого Управления. Набежавшие носильщики волокли на себе или катили в тележках багаж, поспешая за владельцами, стоял скрип и гомон,

и вся процессия напоминала кочующий табор. Туристам из-за океана это было в диковинку: Иллихейская Империя занимает весь континент, там ни границ, ни таможен, ни бюрократических формальностей при путешествиях.

Те, кто приплыл сюда из тяги к странствиям и досужего интереса, переглядывались, пересмеивались, перебрасывались остротами, угодив прямо с корабля в длиннущую очередь в казенном учреждении. Иных это раздражало. Один из пассажиров, о котором все знали, что он торговый представитель, командированный на поиски новых товаров, еле сдерживался, чтобы не выругаться.

Ему не то что вслух, даже про себя браниться заказано, а то что-нибудь сорвется с языка ненароком... Поэтому не психовать. Он сама флегма. Он спокоен, как дурацкий волнолом. Чайки-дуры орут, народ балаболит и суетится, а он спокоен, по самую макушку залит флегмой, ни одна струнка в душе не шелохнется.

Самовнушение худо-бедно помогало. Он уже не тот, что был пару месяцев назад. Того, прежнего, обыскались, а нынешнего никто не ищет.

Выглядел он лет на пятьдесят. Жилистый, но с брюшком (всю дорогу жрал за двоих то в охотку, то через силу, чтобы располнеть и меньше соответствовать своему словесному портрету), изможденное затаенным беспокойством лицо тщательно выбрито, осветленные белесопепельные волосы зализаны и стянуты на затылке. Ежели его не покинет шальная удача, ни одна сволота не узнает.

Чиновник, повадками напоминавший приезжему его самого в не столь давнюю бытность, после серии идиотских вопросов выдал документ на гербовой бумаге с двумя печатями. Личник называется. К этому личнику нужно было приложить большой палец и то же самое – к другому документу, который останется в конторе. Магическая фиксация отпечатков. Вот это уже дрянь... Если те, кто его ищет, просекут, что он купил билет на пароход, и заявятся сюда – в два счета разнюхают след.

Вслух не возмутился. Изобразил законопослушного коммерсанта. Придется на новом поле играть с судьбой по новым правилам.

Из Гостевого Управления он выбрался за полдень и отправился на поиски трактира. Настроение смурное, в руке чемодан, из кармана торчит затрепанный словарь-разговорник. В течение всего путешествия он учил венгоский и каждую ночь клал под подушку зачарованный кристалл, способствующий усвоению чужого языка, так что мог кое-как объясниться с местными.

Здесь все не так, как в Иллихее. Не по-людски.

Если там на весь материк одна-единственная великая держава от края до края, то в Анве и на лежащих близ нее островах больше дюжины государств, которые грызутся меж собой, а случается, и воюют. Форменные дикари. С другой стороны, в мутной воде проще ускользнуть от загребущих лап.

Женский пол тут вместо платьев носит штаны, а поверх – или юбку-разлетающую, или прозрачную тряпку, украшенную шитьем, или вовсе что-то несуразное, сквозистое, вроде кружева из тесемок. Ножек не увидишь, даже ветер не помощник. Ежели приспичило с кем познакомиться, смотри, какого цвета у нее холла – обязательный жакет, без которого ни светская дама, ни поломойка на улицу не выйдет.

В приложении к словарю имелась таблица с пояснениями касательно цветовой символики. А то сунешься к той, которая не желает никому давать, и она тебя потом по судам затаскает.

Также на пляжах здесь не валяются нагишом, как на иллихейских курортах, и дамам дозволено купаться только в специальных шароварах и кофтах с длинными рукавами. Прилюдно обнажать руки-ноги женщине неприлично, зато все бордели занесены в государственные реестры и официально поделены на категории. Наверняка тесно сотрудничают с цепняками,

которые носят красно-желтые шапки и наделены полномочием в любой момент потребовать у тебя личник для проверки.

И нет здесь нечисти вроде той, что в Иллихее сидит по своим логовам, подстерегая, кого бы сожрать, а в урочное время – это для нее самый большой праздник – оборачивается человеком или животным и отправляется куролесить, но до истечения отпущенного ей на гульбу срока должна вернуться на свое место. Окаянные твари причиняют людям много всякого разного паскудства, уж это путешественник изведal на горьком опыте. Из-за этого, можно сказать, родину за бортом оставил.

На первый взгляд благодать, но в Анве сплошь и рядом встречается другая напасть, какой Империя не знает. Воплотившиеся наваждения. С ними разбираются так называемые убийцы наваждений, специально натасканные ребята вроде иллихейских охотников на оборотней.

За обедом приезжий просмотрел купленную у входа в трактир газету. Бумага цвета жидкого чая, заглавные буквы с финтифлюшками. На первой полосе фото: исполинская рыба-палач над крышами тесно слепившихся угловатых домов – больше смахивает на коллаж, чем на репортажный снимок; разгромленное заведение с наполовину оторванной вывеской, наискосок повисшей над дверью; какой-то парень с миной погруженного в задумчивость аристократа и экзотически раскосыми глазами.

Проглядев без словаря передовицу, путешественник уловил общий смысл: не далее как вчера над одним из районов Лонвара материализовался опасный морок, но оказавшийся рядом профессионал быстренько его развоплотил, хотя без жертв не обошлось.

Кроме наваждений, от которых сплошные подлянки и неприятности, в Анве в ходу иллюзии: для декора, для театральных эффектов, в качестве оружия при военных конфликтах, и еще у них тут распространена рамография, или рамга, – такая особая разновидность искусства.

В зачарованную рамку вставлен прямоугольник из специального стекла, в уголке углубление для магического кристалла. Напоминает картину, только живую, говорящую, переменчивую, изображающую целую историю от начала до конца: то смотри, что там происходит, то читай написанный текст. Баловство вроде книжек, которые путешественник не уважал, ибо не любил, когда ему дураят голову тем, чего нет.

Знаменитых рамок он никогда не видел, вывозить их отсюда нет смысла, так как вдали от Анвы они превращаются в бесполезный не волшебный хлам. Теперь можно будет поглядеть своими глазами... Хотя он заранее знал, что это дребедень.

Рамгой занимаются мастера, обладающие даром сочинять и воплощать иллюзорные истории. Иначе говоря, дармоеды. Узнав, что иным из них недурно платят, путешественник искренне расстроился – западло же, когда кому-то за ерунду деньги дают.

Зато, услышав о том, что их творения иной раз выходят из-под контроля, превращаются в морок и норовят убить своего создателя, он ощутил злорадное довольство: так их, бездельников, пусть бы лучше у станка на фабрике стояли или какую-нибудь там брюкву на огороде окучивали.

Правда, злорадствовал он на борту «Принцессы Куннайп», когда пассажиры языками мололи, а здесь, в Анве, где за каждым углом можно столкнуться нос к носу с чьим-нибудь воплотившимся наваждением, его начали одолевает совсем другие чувства. Скорее уж опасливые.

После плотного обеда он отправился подыскивать гостиницу подальше от порта. Убедился, что Лонвар – дрянь-город: не найдя места получше, его построили на сплошных косогорах, дышалку надорвешь карабкаться вверх-вниз по этим лестницам. В придачу воняет копотью, улицы окутаны дымными вуалями, иностранная речь понятна с пятого на десятое, хотя и зубрил всю дорогу венгоский язык, словно придурок-студент перед экзаменом.

Несмотря на сытость и одышку, путешественник бдительности не потерял и сберег свой чемодан, который дважды попытались спереть. Уж в этих-то делах он знал толк, его учить не надо, сам мог бы научить здешних незадачливых хапунов.

Наткнувшись за поворотом на Кошачий храм, он остановился и отвесил степенный поклон изваянию Лунноглазой Госпожи, видневшемуся за аркой ворот. Ручку чемодана при этом не выпустил, не надейтесь.

Лунноглазая прогневалась из-за того, что он причинил обиду ее жрице, и Госпожу следовало поскорее умиловить. За время плавания путешественник не раз молился и обещал пожертвовать в первый же храм, какой попадется, два изумруда на гляделки для кошачьей статуи. Всенепременно надо откупиться, богов лучше не гневить.

С другой стороны, ежели по справедливости, не так уж сильно он виноват. Не сам ведь стрелял в окаянную монашку, а всего лишь приказал стрелять наемникам. С кем не бывает?

Обещанных изумрудов у него при себе не было. Хорошо еще, деньги были. Разжился на пароходе, хотя поднялся на борт почти нищим, отдав последние гроши за билет. Без шороху разжился, подумали на корабельную службу.

Через квартал от Кошачьей обители подвернулся ювелирный магазин. Приезжий остановился перед витриной с россыпью цветных сверкающих стекляшек, прикидывая, немедля выполнить обет или все-таки обождать?

– Э-э, господин... Купить кольцо?... Недорого...

Сказано было больше, но ровно столько он разобрал из их венгоской тарабарщины. Почитай, самое главное разобрал. Оправленный в причудливую серебряную загогулину кристалл, помогающий усвоению языка, все же полезная штука.

Перед ним топтались два потасканных субъекта. Мелкие городские хапуны самого последнего разбора. Отбросы.

Один из них показывал на слегка трясущейся заскорузлой ладони два недурственных золотых колечка, с жемчугом и с изумрудом. Что ж, ежели по сходной цене, половину обета он сегодня же выполнит, а вторая половина обождет.

Зажав чемодан меж колен – а то мы не знаем, как делаются такие делишки! – он взял то, что с изумрудом, придирчиво рассмотрел и остался доволен. Как пить дать, краденое.

– Сколько?

Забулдыга выдернул у него из пальцев кольцо и назвал сумму. Приезжий урезал ее вдвое. Начался торг. Говорил один из продавцов, второй поддерживал его криканием и мычанием.

– Побойся богов, и так по дешевке отдаю! – потрясая своим товаром, горячился первый.

Наконец они сошлись, приезжий вытащил из-за пазухи бумажник с обмененными в Гостевом Управлении купюрами. Он как раз закончил отсчитывать нужную сумму, когда оба кольца странно мигнули и исчезли.

Приезжий оторопел.

«Да чтоб вас, ушнырки поганые, вы за кого меня держите – за тупака?!»

Сдержался, вслух не вырвалось. Он и слов-то таких никогда не слышал. Он сама флегма.

Надо сказать, забулдыги тоже выглядели огороченными. Посмотрели друг на друга, на несостоявшегося покупателя, который яростно пихал скомканные купюры обратно в бумажник, и попятились к щели переулка за магазином.

– Цхенда! – выкрикнул один из них, непонятно к кому обращаясь.

Приезжий спрятал бумажник, проворно подхватил чемодан и зашагал прочь. Припомнилось, что по-венгоски «цхенда» – «злая ведьма». Есть еще «наньяда» – «добрая ведьма» и «монкра» – просто «ведьма».

Чуть не развели. Еще несколько секунд – и плакали бы денежки... И ведь даже тени сомнения не возникло, что кольца настоящие! Так он узнал на собственном опыте, что представляют собой анвайские иллюзии.

* * *

Дом с дурной репутацией не выделялся среди окрестных строений: два этажа, серая черепичная крыша, невысокое крыльцо под наклонным навесом с витыми столбиками. Арочные окна с частым переплетом как будто покрыты изнутри молочной наледью – вошедшие в моду белые шторы плотно задернуты. Архитектурный стиль Жемчужной династии, а все же видно, что постройка не столь давняя, искусно выполненная стилизация под старину.

По навесу барабанил дождь, мокрая мостовая отливала металлическим блеском. Темре предстояло проникнуть в дом и истребить расплодившиеся там наваждения. Заказчица дала ему ключ, но сама с ним не пошла, только заверила, что никого из людей внутри не будет: своего сына, который тут жил, она уговорила уехать на приморский курорт, его прислугу отправила в отпуск.

Темре чувствовал себя взломщиком, каковым он и являлся с точки зрения закона. Госпожа Аргайфо наняла его втайне от сына – хрупкого, бледного, обуреваемого болезненными фантазиями молодого человека романтического склада. Нолган Аргайфо нипочем не согласился бы впустить к себе в дом убийцу наваждений, намеренного разделаться с тем, что «исторгла раненая душа». Темре был немного знаком с этим парнем и мог представить себе его реакцию. Да и мать сказала, что он будет категорически против, но добавила, значительно и тревожно понизив голос, что с мороками, которые там завелись, надо разобраться, пока они не сожрали самого Нолгана или кого-нибудь из соседей.

За незаконное проникновение в чужое жилище Темре грозил штраф – и это в лучшем случае, если будет доказано, что он забрался туда не с целью грабежа или насилия над обитателями. Хозяевам, впрочем, тоже грозил штраф за то, что до сих пор ничего не предприняли для избавления от напасти. Один из типичных для Венги юридических казусов: воплотившийся морок должен быть уничтожен скорейшим образом, но это должно свершиться в согласии с законом, иначе того, кто попадет на неодобряемом, притянут к ответу.

Дом был записан на госпожу Аргайфо, однако с нее станется от всего отпереться, лишь бы сынок не закатил истерику и не начал царапать себе вены тупой бритвой. Имея это в виду, Темре предложил компромисс: в случае чего он ее не выдаст, но штраф за него заплатит она сверх гонорара. На том и поладили.

Под шелестящий аккомпанемент дождя Темре вставил ключ в замочную скважину. Зарядивший с самой рани дождик – это ему на руку: и на улице пусто, и длинный плащ с низко надвинутым капюшоном ни у кого не вызовет подозрений – ясно же, человек оделся по погоде. Неприятностей ну совсем не хотелось.

Подумалось о хорошем: сегодня ближе к вечеру надо будет зайти в Управление Градоохраны и получить вознаграждение за победу над рыбиной. Да и госпожа Аргайфо уже раскошелилась на задаток, дело за тем, чтоб его отработать.

Ключ заклинило – ни туда ни сюда. Не могла хозяйка смазать замок перед тем, как звать специалиста...

– Господин убийца!

Он медленно обернулся. Дернуться, словно это тебя окликнули, означало с головой себя выдать, но проигнорировать такую реплику тоже будет ошибкой.

– Наконец-то вы пришли!

Богато одетая женщина с простецким, но волевым лицом стояла по ту сторону решетки, отделявшей крохотный дворик перед домом от другого такого же.

– Простите, вы меня за кого-то приняли?

– Тьфу ты, я-то подумала, что вы убийца наваждений! Давно пора, а то этот бездельник развел у себя морочанов, жить рядом страшно, того и гляди к нам через забор полезут... И

мамаша его покрывает. Строят из себя аристократов, а она, говорят, бывшая певичка и чья-то была любовница, а он, говорят, из этих, которые крейму в ноздри вмазывают и потом сами не помнят, что вытворяют. Взялся за ум, когда у него невеста появилась, где-то сманил девчонку совсем молоденькую, такую хорошую, так он, засранец, ее обижал, и она здесь пожила, а потом от него ушла. Ох, как он переживал, и тогда морочанов тутоньки завелось, как тараканов на загаженной кухне. Значит, вы не убийца?

– Нет, я новый уборщик господ Аргайфо.

– Господ, как же!.. – с досадой фыркнула тетка. – Я-то понадеялась...

Она явно была из нуворишей, по манерам вчерашняя рыночная торговка, и лицо обветренное, закрутое, зато ее холла сверкала золотым шитьем и бисером, а черный зонтик был расписан алыми розами – дорогое удовольствие. Когда она, топая по лужам, направилась к своему крыльцу, Темре спохватился, что допустил оплошность: услышав о морочанах, надо было испугаться. Настоящий уборщик испугался бы, принялся бы расспрашивать, а то и сбежал бы... Но соседки можно не опасаться, даже если та чуть позже сделает правильные выводы: ясно, что она на его стороне и полицию звать не станет.

Замок наконец-то щелкнул. Из прихожей тянуло спертым воздухом, яблочной гнилью и подозрительной сладковатой дрянью – что-то из тех полуразрешенных курительных снадобий, которые действуют послабее, чем крейма, но тоже вызывают сны наяву. Если прислуга в этом доме большую часть времени поневоле пребывала под кайфом, нечего удивляться живописной неряшливости обстановки. То ли еще творится в комнатах...

Заперев за собой дверь, Темре откинул капюшон и первым делом надел маску: помимо всего прочего, она защищала своего обладателя от ядов и дурмана.

После этого он сбросил плащ, повесил на торчащую из стенной панели бронзовую руку со скрюченными пальцами. Таких вешалок в прихожей было несколько. На одной из них в темной от патины ладони лежало побуревшее надкушенное яблоко в бирюзовых пятнах плесени, на других висела одежда, принадлежавшая, видимо, Нолгану. Петельки цеплялись за воздетые к потолку пальцы, длинный шарф, переброшенный через бронзовое предплечье с рельефно вздутыми венами, касался концами пола. Женский шарф. Должно быть, его забыла сбежавшая подруга Нолгана.

Большое зеркало выглядело так, словно с ним регулярно играли в «здравствуй, ладошка». Отражение полутемной прихожей из-за множества жирных отпечатков казалось затуманенным.

В углу стояла элегантная корзина, вместе с загнутыми ручками зонтиков оттуда торчало три засохших цветка на длинных стеблях – пышные головки, масса узких изжелта-белых лепестков. Кто их знает, как они называются, но Соймела тоже такие любит.

Эпатажно-изысканные вешалки, сгнившее яблоко, захватанное зеркало, цветы – все это выглядело странновато, но было настоящим, однако Темре не мог бы сказать, что в прихожей *чисто*. Что-то есть. И не выяснив, что это, не стоит двигаться дальше.

Лампа матово-белого стекла в виде раковины тоже настоящая.

Укрытый полумраком шкафчик-этажерка с обувью в ячейках. Здесь?.. Похоже, да.

Темре потянул за шнур выключателя и принялся осматривать содержимое озаренной желтым светом этажерки. Вот оно. В третьей слева ячейке второго ряда стояли две отрезанные человеческие ступни, задвинутые вглубь, из-за чего убийца поначалу не заметил слабого мутноватого ореола, выдающего их истинную природу.

Небольшие, изящные, белые, с покрытыми темно-красным лаком ноготками. Они не шевелились и вроде бы не выглядели опасными, но от морока в любой момент можно ждать подвоха. Две нематериальные серебристые иглы из перстня – и от наваждения следа не осталось. Пустая ячейка, если не считать слоя пыли.

Больше в этом помещении ничего подозрительного не было, но теперь следовало обождать, пока перстень не восстановит заряд.

С Нолганом Аргайфо Темре познакомился прошлым летом. У Соймелы, где же еще. После развода его бывшая жена, словно отпущенная на волю русалка, вернулась в свою стихию – да Сой и не рвала с ней связей. В пору их брака Темре то и дело заставлял у себя дома компанию богемных личностей разной степени одаренности и непризнанности. Люди сменяли друг друга, атмосфера была одна та же: хмельное возбуждение, позерские споры об искусстве, жалобы на «тупое животное по имени чернь». Иногда – словно цветные осколки витражей в куче хлама – привлекало внимание чье-нибудь высказывание, стихотворение или музыкальный этюд, которые стоили того, чтобы терпеливо выносить эту суету.

Гронсийская родня Темре, если пересекалась с представителями богемы, впадала в ступор – любо-дорого посмотреть. Потом ему начинали пенять: женился на венгоске и обычаи своего народа позабыл, жену в строгости не держишь, где ж это видано, чтоб она, едва муж за порог, чужих дармоедов обедами угощала, да лучше б она у тебя бродячих кошек прикармливала – и дело богоугодное, и не такие расходы... Темре выслушивал упреки с непроницаемой миной, хотя в глубине души был не то чтобы совсем не согласен с негодующими родственниками.

Расстались они с Сой без скандалов и окончательно рвать отношения не стали. Время от времени он навещал бывшую жену уже как любовницу, вынуждая ее нынешних поклонников беситься от ревности: своего рода реванш.

Нолган в число последних не входил, хотя нередко появлялся в ее квартире. Одаренный юноша, сочиняющий рамгу, которую «чернь никогда не поймет и с радостными звериными криками затопчет», по его же собственному выражению.

Минувшей зимой он влюбился. Девочка из провинции, из хорошей, но небогатой семьи, в мечтах об актерской карьере удравшая в столицу. Беленькая, светловолосая, изящная – истинная венгоска. Темре был в курсе их перипетий, так как Роани после размолвок с Нолганом приходила к Сой, больше ей некуда было пойти. Та кидалась к телефону и звала на помощь бывшего мужа, поскольку оскорбленный кавалер грозился «убить эту маленькую дрянь».

Темре, раз уж его втравили в качестве защитника, побеседовал и с Нолганом, и с Роани. Парень на первый взгляд казался благовоспитанным и разумным, утверждал, что госпожа Соймела преувеличивает, никому он не угрожал, просто разговаривал слишком эмоционально, так как сильно переживает, а Роани совсем еще ребенок и чересчур взбалмошно на все реагирует. Он ее очень любит, жизни без нее не представляет. Девчонка выглядела не то чтобы запуганной, но подавленной и потерянной. Говорила, что тоже его любит и расставаться с ним не хочет, но вместе им плохо. Выстраивать рассуждения она умела не так хорошо, как Нолган, путалась в словах и толком объяснить ничего не могла, зато ее глазища запали Темре в душу: большие, печальные, замученные, что в них отражается – поди разбери.

Он организовал Роани встречу с Котяррой. Тот битый час с ней просидел, увещевал и уговаривал, но дальше беседы дело не пошло, лечь в постель с монахом девчонка не захотела.

«А я-то для нее старался, – с долей раздражения подумал Темре, – пусть тогда сама выкручивается, мое дело сторона».

Как известно, интимное сношение с «бродячим котом» или «бродячей кошкой» уничтожает приворот любой силы, а также ослабляет привязанности, замешанные на рабской зависимости. Лунноглазой Госпоже несвобода не по нраву, вот она и наделила такой способностью своих земных служителей в пику всем, кто ловит в силки и держит на привязи чужие души, так что напрасно Роани отказалась от благочестивого предложения Котярры.

Впрочем, пару месяцев назад она неожиданно для всех порвала с Нолганом и уехала из столицы к себе домой. Или не домой, а куда-то еще. Главное, что все-таки уехала. Нолган страдал и тосковал, норовил поговорить о ней с каждым, кто соглашался его выслушать: какая

она была необыкновенная и нежная, как она его понимала, больше никто на свете его так не поймет, как они друг друга любили... Темре в число согласных не входил.

Покинутый влюбленный утешался жалобами недолго, вскоре он впал в черную меланхолию и заперся у себя дома. А теперь у него из всех щелей наваждения полезли. Учитывая, что фантазия у парня будь здоров, работенка предстоит не из легких.

За дверью находилась зала, убранная вышитыми иллихейскими драпировками – потрепанными, застиранными, но все равно роскошными. Блестки золотых и серебряных нитей тускло мерцали в свете пасмурного дня, процеженном сквозь белые кисейные шторы. А вон то безобразие у стены – аквариум с декоративными медузами. Был. Блеклые склизкие комочки в мутной воде, одни лежат на дне, другие всплыли на поверхность – это, очевидно, его издохшие обитатели. Чем же тут занималась нанятая госпожой Аргайфо прислуга, если даже медуз не кормила? Или у нее имелась причина, чтобы держаться подальше от аквариума?

Причину Темре вскоре разглядел. Эта пакость неплохо замаскировалась, не присмотрись – не заметишь, и сохраняла неподвижность под стать всему остальному мертвому содержимому.

Будь он без маски, вряд ли обратил бы внимание: степень материальности – дальше некуда, ни дать ни взять крупная розоватая раковина с разверстой щелью лежит посередине загаженного стеклянного сосуда. Весьма напоминает некий женский орган, но Темре такие вещи никогда не цепляли. Если б морок не был окружен зыбким ореолом, и не подумаешь, что раковина ненастоящая, в море каких только причудливых созданий не сыщется.

Судя по всему, оно обрело свою нынешнюю плотность, уморив безобидных обитателей аквариума и напитавшись их жизненной силой. Наверняка что-то ему перепало и от перепуганной прислуги: даже если та не подходила близко, размеры помещения не настолько велики, чтобы морок не дотянулся своим незримым щупальцем до охваченного страхом человека.

Странно, что прислуга до сих пор не сбежала. Обычно у людей в таких ситуациях сдают нервы либо торжествует здравый смысл с одним и тем же благотворным результатом. Хотя, если она от хозяйских щедрот тоже подсела на крейму, бегство означало бы потерю источника дорогостоящего снадобья. А может, у самой госпожи Аргайфо был припасен для нее какой-то крючок.

Уничтожив «раковину», Темре обвел настороженным взглядом залу. Больше тут ничего нет. Стеклянная дверь вывела в коридор с еще несколькими дверьми и лестницей на второй этаж. Заглядывая в новую комнату, убийца наваждений каждый раз замирал на пороге и цепко осматривался – не видно ли где зыбкого сияния, такого же бесцветного и водянистого, как свет дождливого дня за окнами.

Чаще всего в помещении гнездится только один морок либо же так называемая «семейка» – вроде той пары ступней в прихожей. Но беда в том, что гости из хаддейны далеко не всегда сидят в четырех стенах и не шевелятся. Если бы! В одной из комнат на убийцу набросилась занавешивающая дверной проем портьера с бахромой, попыталась окутать его и удушить, но в следующий момент, прошитая иглами из боевого перстня, распалась на тающие в воздухе клочья. Темре успел заметить: то, что он вначале принял за бахрому, скорее напоминало мохнатые паучьи ножки, омерзительно подвижные, так и норовящие до тебя дотронуться.

Ничего такого, что способно выбраться за пределы дома, ему не попало. Иначе соседи обратились бы за помощью куда раньше, чем это сделала госпожа Аргайфо. Нолгану хотелось отгородиться от окружающего мира, замкнуться в своем жилище, как в волшебном замке, и порожденные его больным разумом наваждения оказались такими же домоседами. Знай себе ходи из комнаты в комнату и отстреливай их одно за другим, главное – ничего не пропустить. Не самый сложный вариант.

Едва Темре успел об этом подумать, в коридоре послышались шаги. Или, скорее, осторожный цокот, словно по паркету стучали то ли чьи-то копытца, то ли когти.

В это время он находился в библиотеке Нолгана. Шкафы здесь были забиты бессистемно и небрежно распахнутыми книгами, на полу громоздились стопки волшебных рамок, газет, журналов, листков с машинописным текстом, эстампов фривольного содержания. На столе и подоконнике стояло не меньше дюжины кружек и стаканов с остатками кавы, вина, заплесневелого чая и каких-то микстур. Чаша медной курильницы в углу была полна пепла и обгорелых клочков бумаги.

С потолка свисало на тонкой паутинке глазное яблоко с ярко-голубой радужкой. Морок. Темре его уничтожил, а потом нашел еще одну похожую штуку в кладовке – там глаз величиной с яйцо ползал по стенке не хуже насекомого и при виде убийцы попытался забиться в темный угол.

Когда послышался цокот, перстень был разряжен, так что Темре смог только выглянуть в коридор, чтобы выяснить, что такое там негромко клацает.

Он на всякое посмотрелся, но зрелище произвело впечатление даже на него. У наваждения было лицо Роани, ее длинные белокурые волосы, и грудь, наверное, тоже ее – трудно судить, он ведь эту девушку обнаженной не видел. На том сходство и заканчивалось.

Рук у существа не было вовсе, тонкий девичий торс переходил в раздутое паучье брюшко с тремя парами членистых ног по бокам – каждая заканчивалась суженным книзу роговым наростом, они-то и стучали по паркету. Из коленных суставов этих страшноватых конечностей вырастали на тонких подвижных стебельках глаза, похожие на бело-голубые ягоды.

Темре уже понял, что глаз в этом доме хоть отбавляй: возможно, Нолгана преследует навязчивое ощущение, что за ним наблюдают, либо же ему мучительно хочется – или, наоборот, до смерти не хочется – посмотреть кому-то в глаза... Наваждения нередко отражают состояние души того, кто стал причиной их материализации.

Выстрелить он не успел, поскольку перстень не был готов к бою. Морок с тускло-белым, как лежалый снег, лицом Роани уставился на него диковато и испуганно всеми своими очами, а в следующее мгновение кинулся за угол. Темре заметил, что поперек бледного горла запеклась длинная темно-красная царапина, а мочки ушей оттягивают, покачиваясь, тяжелые рубиновые серьги.

Сориентировавшись по звуку, он двинулся в ту сторону, где затих цокот. Не дом, а питомник ужасов... Не за один же день все это здесь появилось!

Недавняя «фаза спокойствия», на битый месяц оставившая Темре без работы, обеспечила временное затишье, но мороки, воплотившиеся до ее наступления, при этом никуда не делись.

Наваждение, торопливо уцокавшее по коридору в глубь дома, явно возникло не вчера. Плотность как у обычного материального объекта. Уязвимых точек Темре не заметил. Разделяться с таким противником будет не проще, чем с летающей рыбиной, разница в габаритах не имеет особого значения. Пусть это существо величиной не с корабль, а с человека, запас прочности у него наверняка не меньший, чем у той гигантской твари, выплывшей среди бела дня из легенд и рыбацких страшилок.

Еще и лицо Роани. И темно-красная линия, перечеркнувшая горло. Есть о чем призадуматься.

Пищей ее обеспечивает Нолган. Эмоций парня морчанке на прокорм должно хватать с лихвой, даже охотиться незачем.

Псевдо-Роани сбежала на второй этаж. Туда вела лестница, застланная ковровой дорожкой. Поднимаясь, Темре услышал наверху шорох, скрип двери. В кольцо уже накопился новый заряд, и он держал сжатый кулак на уровне груди, чтобы сразу выстрелить, едва цель появится в поле зрения.

Когда он ступил на верхнюю площадку, одна из дверей распахнулась, и навстречу нетвердо шагнул Нолган Аргайфо. Настоящий, хотя вид у него был такой, что недолго перепутать с мороком.

Опухшее изможденное лицо завязанного любителя креймы, под глазами набрякли мешки. Волнистые светлые волосы, восхищавшие девиц, допущенных в богемную компанию Сой – «как у принца!» – свисали сосульками, словно их несколько лет не мыли. На нем была бархатная пурпурная пижама с артистически распахнутым воротом и домашние шаровары черного шелка, то и другое замызгано, в присохших остатках то ли не донесенной до рта пищи, то ли рвоты.

– Что вы здесь делаете?

Несмотря на хрипоту, его голос звучал по-прежнему выразительно, с нотками негодования и надменностью аристократа, заставшего у себя в гостиной уличного попрошайку.

– Меня пригласили провести в этом доме зачистку, – бесстрастно произнес Темре, противопоставив снобистской надменности Нолгана свою, профессиональную.

Заказчица обещала, что сыночка дома не будет. Раз не смогла обеспечить его отсутствие, пусть пеняет на себя.

– Моя мать? – уточнил юноша, попытавшись изобразить на своей опухшей физиономии оскорбительную усмешку.

– Неважно кто, – бросил Темре, соображая, как бы его нейтрализовать, чтобы поскорее покончить с этой работой.

Собеседник с театральным надрывом расхохотался.

– Она подумала, я уехал! Как будто я покину мою ненаглядную, я не могу дышать с ней в разлуке, и тогда мы умрем, но не вместе, не в объятиях, а вдали друг от друга. Я ведь не могу взять ее с собой!

Его голос звучал напевно, словно он читал вслух балладу, но в то же время с ноткой фальши. Губы раздвинулись в улыбке, придававшей ему законченно безумный вид.

Решив, что терять время незачем, Темре отпихнул его с дороги, толкнул крайнюю дверь и вошел в комнату. Похоже, раньше здесь жила Роани. Нарядное девичье гнездышко: повсюду фарфоровые безделушки, искусно сделанные из шелка и проволоки бабочки, пышные декоративные банты, засохшие букетики, разбросанное кружевное белье. Из-под кровати высовывался чемодан, еще один был втиснут между креслом и столиком с грудой запыленных стеклянных флаконов. Ее чемоданы. Впрочем, Темре еще внизу понял, что Роани на самом деле никуда не уехала.

На кровати кто-то сидел – смутный силуэт за кисейным пологом, окруженный зыбким ореолом. Три пары суставчатых паучьих ног были согнуты и подобраны, что придавало абрису сходство с короной.

За спиной скрипнул ящик комода. Темре повернулся, однако Нолган, и откуда только прыть взялась, уже успел вытащить и навести на него пистолет.

Вот это влип так влип... Привычка подвела: когда ты на работе, люди тебе не противники, люди на тебя молиться готовы, ты ведь их защищаешь, удара в спину можно ждать только от мороков. В большинстве случаев. Однако бывают исключения. Бывают психи. Вроде Нолгана Аргайфо. У придурка пистолет, а ты безоружен – иглы, вылетающие из перстня убийцы наваждений, для человека безвредны. Надо полагать, Нолган в курсе.

– Брось оружие – или я уничтожу твою подружку. Я успею.

Темре не был уверен, что для псевдо-Роани хватит двух выстрелов. Слишком она сильна, почти как живая. Чтобы такой морок растаял, стрелять придется несколько раз.

– Маску прочь! – выкрикнул Нолган. – Иними кольцо!

– Если нажмешь на курок, я успею убить подобие Роани.

– Это не подобие! Это теперь и есть Роани! Моя ненаглядная, которая никуда от меня не уйдет, ни для кого меня не бросит, всегда будет со мной...

– Убери пистолет или останешься без ненаглядной.

– Она вернется! Она ведь один раз уже вернулась... Она тогда захотела уйти, а я не мог ее отпустить, я хочу, чтобы она была рядом, я же столько всего ей купил – посмотри, это все мои подарки, она должна жить среди них как главная драгоценность в моей сокровенной шкатулке. Она такая беззащитная, кто угодно ее обманет и обидит, разве я мог ее отпустить? И я не пустил... Сначала мерещилось, что ее больше нет, но потом она вернулась – уже вот такая. Теперь она передумала от меня уходить.

– Да разве это она? – скептически заметил Темре, кивнув на полудевушку-полупаучиху, которая неподвижно, как изваяние, восседала на кровати за кисейной занавеской.

Он уже прикинул, как будет действовать, когда наступит подходящий момент, и выгадывал время. Судя по доносившимся из коридора звукам, что-то приближалось – что именно, не угадаешь, но вряд ли оно было человеком. Когда новая тварь ввалится в комнату, надо будет уйти с линии выстрела и обезоружить сумасшедшего. На все про все несколько секунд. И еще неизвестно, отвлечется ли Нолган на посетителя, который вот-вот будет здесь... Нужно, чтобы отвлекся.

– Это она, моя Роани, – убежденно подтвердил тот, сопроводив свои слова собственнической, хотя и немного нервной улыбкой. – Ненаглядная, неспособная на неверность, неспособная ранить мое сердце. Она ценит то, что я покупал и дарил ей, и всегда молчит... И я знаю, что скрыто за ее молчанием.

– Ты ее не боишься? Она ведь, мягко говоря, странно выглядит.

– Боюсь ли я? – Нолган вновь зашелся театральным смехом. – Конечно, боюсь! Но лучше бояться ее самой, чем того, что она от меня уйдет. Страх привязывает нас друг к другу. А вот это еще одна моя мечта!

Темре не удивился. Мечта вполне в духе этого дарования: две изящные длинные ноги, каким могла бы позавидовать любая танцовщица, и сверху, как абажур на торшере, черная кружевная юбочка. Верхняя половина туловища отсутствует. Практичный минимализм. Зачем нужны какие-то излишества? Видимо, псевдо-Роани у Нолгана для души – чтобы сидела в гнездышке среди подаренных безделушек и никуда не уходила, а вот это ходячее неудобно сказать что – для всего остального.

Того момента, когда парень повернулся к своей второй «даме», убийце хватило, чтобы отпрыгнуть за кровать с кисейным балдахин. Пуля ударила в стенку сильно в сторону: больше смахивает на демонстрацию, чтобы не ранить псевдо-Роани, но в то же время показать противнику, что это не игра.

Темре послал иглу в создание, остановившееся возле порога. Псевдо-Роани выглядела опаснее, и она уже закопошилась под прозрачным пологом, ее членистые паучьи лапы пришли в движение, но сейчас важнее справиться с Аргайфо. Против морока у Темре есть оружие, против пистолета – нет.

Грацияльные ноги подломились, и прельстительная для Нолгана несуразица рухнула на пол. Теперь она казалась сделанной из просвечивающегося желе, и черная юбка истончилась, словно кружева были сплетены из тумана. После второй сверкнувшей в воздухе иглы и это растаяло.

– Ты!..

Яростный возглас Нолгана оборвался глухим ударом: Темре швырнул ему в голову скамеечку для ног, стоявшую возле кровати. Он не очень-то надеялся на успех этого приема – сам в такой ситуации успел бы и отследить движение противника, и уклониться, но против одуревшего от креймы Аргайфо это сработало. Пистолет со стуком упал на пол, его оглушенный хозяин ткнулся в пыльный ковер.

Не теряя времени, Темре подскочил к нему, скрутил руки за спиной и связал шарфом с вышитыми на концах буквами «Н» и «Р». Пистолет сунул в карман. Псевдо-Роани между тем сползла с кровати и выбралась из-под балдахина, ловко раздвинув его своими паучьими лапами. Ее томное кукольное личико цвета лежалого снега ничего не выражало, но движения казались целеустремленными и угрожающими. А перстень разряжен... Темре выпрямился, с прищуром глядя на существо, остановившееся напротив.

Она почему-то не спешила нападать. Двинулась к двери, с неуклюжей грацией переставляя гладкие, словно покрытые лаком, черные лапы. У порога остановилась и оглянулась, дернув узким плечиком. Длинные белокурые волосы, ниспадающие до талии, которая переходила в безобразное паучье брюхо, нетерпеливо колыхнулись.

«Хочет, чтобы я пошел за ней, – догадался Темре.

Нолгана он потащил с собой. Тот все еще был без сознания, пришлось взвалить его на плечо. Если оставить этого парня, пусть даже связанного, без присмотра, нет гарантии, что какой-нибудь морок его не освободит. Аргайфо кормит обитающие в этом доме наваждения своими эмоциями: раз его до сих пор не замучили и не высосали досуха – значит, здешняя нежить свой рацион и без того получает.

Спустились на первый этаж, дошли до лестницы в подвал. Темре уже начал догадываться, куда ведет его псевдо-Роани. Наверное, не так уж неправы те, кто утверждает, что наваждения тоже обладают самосознанием, тоже могут что-то чувствовать и принимать решения... Лестница оканчивалась площадкой, загроможденной стульями и связками растрепанных пожелтевших книг. Дальше преграждала путь запертая дверь. Псевдо-Роани посмотрела на Темре, потом перевела взгляд на Нолгана, потом снова на убийцу.

– У него ключ?

Кивнула.

Сгрузив парня на пол, Темре обшарил его карманы. Может, и рискованно было заниматься этим рядом с мороком: один удар в висок паучьей лапой с ороговевшим острием на конце – и поле боя останется за противником... Но он доверился своей интуиции, которая была для него таким же рабочим инструментом, как маска или перстень, и до сих пор не подводила.

Интуиция подсказывала, что этот морок с ним заодно. Этот морок и сам хочет развоплощения.

Во время обыска Нолган очнулся. Игнорируя его протесты, Темре извлек из внутреннего кармана пижамы ключ на шнурке – судя по молчаливой реакции псевдо-Роани, тот самый – и отпер дверь.

Пахнуло затхлостью и едва уловимой трупной вонью. Щелкнув выключателем, убийца при свете тусклой лампы оглядел помещение. Облезлый антиквариат, кучи старой одежды, поломанные детские игрушки. К беленому потолку прилепилась гирлянда сцепившихся друг с дружкой тварей, отдаленно похожих на летучих мышей или трапанов, но до омерзения уродливых, как будто слепленных из темной маслянистой массы, того и гляди готовый растечься. Наваждение. Двух иголок в самый раз хватило, чтобы оно исчезло.

У стены стоял гроб из иллихейского мраморного кмера – это дерево не гниет, обладает твердостью камня и неплохо поглощает запахи. Полированная крышка была завалена матерчатыми цветами и заставлена фарфоровыми и стеклянными статуэтками, изображавшими влюбленных парочек, принцесс, собачек, танцовщиц, овечек, толстяков, ящериц, птичек. Было здесь и несколько покрытых сусальным золотом «счастливых домиков», какие у венгосов принято дарить на Новый год. Псевдо-Роани остановилась возле гроба, в упор глядя на Темре.

– Я понял, – кивнул убийца. – Здесь, да?

Девушка-паук кивнула в ответ.

– Ненаглядная, что же ты делаешь! Не предавай меня еще раз!

Вопль издал Нолган. Он стоял на коленях возле двери, подняться на ноги у него не хватало сил. С разбитым лбом и кровавыми потеками на лице он стал выглядеть более-менее прилично: физиономия парня, которого отделали, а не сывороточно-бледная одутловатая маска юного носителя порока.

– Я же тебя люблю, не бросай меня!

Для того чтобы псевдо-Роани растаяла, понадобилось шесть двойных выстрелов. Она до самого конца улыбалась. Могло ли быть так, что в нее по неведомой причине вселилась душа настоящей Роани? Кто знает... Когда все было кончено, Темре пробормотал шепотом коротенькую зауспокойную молитву.

– И что вы станете делать дальше?

На этот раз Нолган задал вопрос естественным тоном, без театрального пафоса и надрыва. Интонационные эффекты предназначались для ушек бедной глупой девочки либо для белых, как потускневший снег, ушей ее выморочного подобия, а ломаться таким же образом перед посторонним мужчиной нет никакого смысла. Не оценят.

Когда Роани была жива, Темре не раз наблюдал то же самое: Нолган со своей жертвой-возлюбленной и Нолган с кем угодно другим – это были два разных человека. Отчасти из-за этого многие в компании Сой ему симпатизировали, считая его рассудительным и воспитанным юношей, способным на глубокие чувства, а Роани – виноватой в его страданиях взбалмошной ветреницей.

– Закончу свою работу и вызову полицию, – бесстрастно бросил убийца наваждений.

Нолган не стал предлагать ему денег за молчание. Должно быть, сразу понял, что из этого ничего не выйдет. Вот госпожа Аргайфо, будь она здесь, попыталась бы его подкупить, но она давно уже не переступала порог этого дома, хотя оплачивала все счета. Войти сюда – это означало бы надышаться дурманных паров, если только у тебя нет магической маски, фильтрующей воздух. Мать Нолгана заботилась о своем здоровье.

– Зачем ты это сделал? – поинтересовался Темре, когда вернулись на первый этаж.

– Она хотела от меня уйти. Купила билет на поезд, собрала чемоданы. Она бы ушла навсегда, а я не мог ее отпустить, не мог без нее жить, – в голосе парня опять проскользнул сдержанный стон. – Я бы не выдержал, я слишком любил ее, чтобы отпустить...

– Не ее. Себя.

– Что?..

– Себя ты любишь, единственного и ненаглядного. Лучше я поломаю эту куклу, чем кому-то отдам, а то мне будет плохо – так ведь?

Это Нолгану не понравилось. Он прищурился, протестующе усмехнулся и ничего больше не сказал.

Темре оставил его в одной из комнат внизу, на всякий случай повернув торчавший в замочной скважине ключ. Как бы там ни было, работу нужно довести до конца.

Уничтожив последний морок – это был карниз для шторы, висевший параллельно настоящему карнизу и усеянный на манер лепнины выпуклыми губами, которые то улыбались, то что-то шептали, – он устало выругался и отпустил на волю свои эмоции, которые при контакте с наваждениями следует держать под спудом.

Настроение сразу сделалось препоганым. Первым делом захотелось спуститься на первый этаж и набить морду Нолгану. Если бы Роани послушалась разумных советов, если бы переспала с Котярой (или с кем-нибудь еще из ордена Лунноглазой, раз уж Котяра ей чем-то не приглянулся), если бы и в самом деле уехала, не сообщив присосавшемуся, как пиявка, несчастному влюбленному своего нового адреса, она осталась бы жива. Вместо этого она то ли в очередной раз купилась на уверения, что «теперь у нас все будет хорошо», то ли позволила себя запугать. И вскоре после этого в подвале дома, насквозь провонявшего дурманом, появился роскошный полированный гроб. Ведь мертвая Роани не сможет отсюда уйти, она всегда будет рядом с Нолганом.

Прежде чем позвонить в полицию, Темре еще раз осмотрел ту комнату, где жила девушка. Никакой больше пакости, *чисто*. Взгляд упал на маленький бумажный сверток с приклеенной самодельной розочкой, лежавший на туалетном столике среди запыленных флаконов с остатками духов. «*Ненаглядному Нолгану от нежно любящей Роани*». Она еще и подарок ему приготовила...

Рука сама собой потянулась к девичьему сюрпризу. Гронси слывут народом беззастенчиво любопытным и вороватым – ну, во всяком случае, их считают таковыми все остальные, венгосы в особенности. А Темре, чего уж там, тоже был гронси. Почему его разобрало желание посмотреть, что находится внутри, почему взгляд прилип именно к этому свертку, в то время как вокруг столько шкатулок, пакетиков, коробочек, да еще пара чемоданов в придачу, – спросите что-нибудь полегче. Наверное, чутье подтолкнуло.

Нолган Аргайфо, убивший свою «ненаглядную» и после этого с размахом предавшийся тоске, последний подарок Роани так и не развернул. И где только девчонка это взяла?..

В первый момент Темре показалось, что это срезанная головка засохшей розы, когда-то красной, теперь побуревшей. Тяжелая, как свинцовое грузило, она выскользнула из пальцев и покатила по полу, но лепестки не осыпались, ни один не отвалился.

Вначале опешив, Темре спохватился и подобрал артефакт, завернул в носовой платок, спрятал в карман. Действовал он проворно, словно кто-то мог его застукать.

Он имел представление, что это такое, а гронси и впрямь отличаются известной вороватостью. Кража денег – грех и преступление, с этим большинство из них спорить не станет, но присвоить полезную вещь, которая сама подвернулась, зазорным не считается.

Обычное дело: когда Темре навещали родственники, он потом всякий раз недосчитывался ручек на дверцах шкафов и ящиках комодов. Кончилось тем, что он начал сам свинчивать с мебели в гостиной всю фурнитуру перед очередным запланированным нашествием родни – и словил немало укоризненных взглядов, ибо так поступать не принято. Не по-людски это, не по-родственному. Проявление обидного недоверия.

Сам он чужого не тащил, до последнего времени был выше этого, чем в глубине души скромно гордился. До сегодняшнего визита в дом Аргайфо. До тех пор, пока не увидел засохшую розочку, которая оттягивала карман, словно увесистый камень.

Смеющийся Ловец

Несмотря на связанную с арестом Нолгана полицейскую канитель, в Управление Градоохраны за своей наградой Темре успел-таки. Да потом еще завернул в Корабельный банк, чтобы положить в магически защищенный сейф большую часть денег и прикарманенный артефакт – не хотел он тащить эту штуку домой.

Теперь посидеть бы с Котяррой в пивной, пропустить по кружке и потолковать о жизни. О том, например, может ли душа убитого человека вселиться в морок и что-то о себе помнить, тосковать из-за того, что все сложилось так несуразно... Пусть Котяра не жрец, а всего лишь рядовой монах, он должен хоть немного об этом знать. Но он уехал на праздник Любования Луной с Храмовой Крыши куда-то за город, ибо в Лонваре, как известно, луной не полюбуешься: маячит в небе за дымной занавесью тусклое пятно – и на том спасибо.

Славно у них там, наверное: на монастырских крышах, огороженных перильцами, устроились люди и кошки – так их много, что ореху упасть негде, – и все смотрят на ясный ночной небосвод, на сияющее посреди звездного бархата око богини. Говорят, просветленные могут различить абрис кошачьей головы, как будто нарисованной угольным карандашом по черному фону: один глаз зажмурен, другой глядит на землю.

Островной клан Гартонгафи, к которому принадлежал Темре, находился под покровительством Девятирукого, к его служителям и полагалось бы идти с вопросами, но обсуждать эту историю с посторонними не хотелось. Другое дело – старый приятель.

На проспекте Вернувшихся Кораблей Темре спустился в винный подвальчик, купил там столетний черный рарьянгле «Гинбо Таи» – бутыл темного стекла с выпуклым позолоченным гербом, лучшее, что у них нашлось.

Выйдя на улицу, постоял в раздумье, потом криво усмехнулся и произнес вполголоса:

– У меня сегодня выдался свободный вечер, и я не против, если кто-нибудь заглянет в гости.

Вряд ли кто-то из снующих мимо прохожих расслышал, что он пробормотал. Внезапный порыв пропахшего гарью городского ветра скользнул по скуле холодными пальцами.

Неподалеку находился магазинчик иллюзий, где он был завсегдатаем. Завернул и туда, но ушел ни с чем – последнюю рамгу Ким Энно еще не привезли. Продавец туманно обнадежил: быть может, через несколько дней... Ким Энно был его любимым мастером иллюзий. Или была – не разберешь, кто скрывается за псевдонимом, мужчина или женщина.

Убийцам наваждений ничто человеческое не чуждо: Темре тоже увлекался рамгой и не скрывал, что принадлежит к числу поклонников известного мастера. Знать бы еще, какого этот мастер пола, хотя бы для того, чтобы не попасть впросак с подарком... Послать незнакомой даме бутылку вина или незнакомому мужчине коробку конфет – неприличная фамильярность, пусть даже он любит сладкое, а она не прочь пропустить рюмочку под настроение. Не желая осрамиться, Темре обычно выбирал что-нибудь нейтральное: хороший чай или кавью, набор дорогих пряностей, экзотические фрукты. Обратного адреса никогда не указывал, ограничиваясь лаконичным «Мастеру Ким Энно от Темре Гартонгафи», и никогда не называл себя поклонником или почитателем – и так ясно. Оставалось только надеяться, что загадочному творцу иллюзий его подношения приходились по вкусу.

Он зашагал дальше по блестящему от морозящего дождя тротуару, и мысли вернулись на прежний круг. Может ли морок думать и чувствовать? Учитель когда-то говорил, что этим вопросом хоть однажды задается любой убийца наваждений, если он не из тех обалдев, которые способны только стрелять иголками в цель да деньги считать. Это нормально, когда тебе небезразлично, к чему приводят твои действия, иначе сам не заметишь, как уподобишься морочану. А правильный ответ на вышеозначенный вопрос не имеет значения. В любом случае морок должен быть уничтожен.

Даже если Роани и впрямь вселилась в то чудище с паучьими ногами, для нее по-всякому лучше было освободиться из посмертного плена, чтобы честь по чести родиться вновь. Да она

и сама хотела оттуда вырваться. Похоже, боли она не испытывала. Или ее душевная мука была так сильна, что она попросту не замечала той боли, которую причиняли ей серебристые иглы из перстня убийцы наваждений?

Темре готов был побиться об заклад, что Нолгана Аргайфо отмажут от каторги. Его мать задействует все свои связи, паскудника признают невменяемым и упекут куда-нибудь, где он будет под присмотром, зато в тепле и сытости. И на том спасибо, если ему не позволят больше угробить никакую новую «ненаглядную».

Лестница Белых Вдов обшарпанными широкими маршами спускалась на Портняжную площадь. Возле подъемника стояла очередь, народ переругивался, выясняя, кто вперед кого пролез, и Темре пошел пешком. В начинающих сгущаться дымных сумерках ступеньки и вправду выглядели белыми, а многоэтажные кирпичные дома по обе стороны с зажигающимися одно за другим окнами казались нематериальными, словно все это сплошь наваждения, которые того и гляди растают.

Внизу он повернул в аллею сквера. Сумьямы с широкими лапчатыми листьями высились двумя величавыми рядами, на ветвях возилось, пищало, хлопало кожистыми крыльями множество трапанов – неподалеку находился храм Ящероголового, где их подкармливали. Хоть и бытовало поверье, что, если священная летучая ящерица нагадит тебе точно на темя – это к счастью, большинство прохожих держались середины аллеи.

– У меня есть рарьянгле, – промолвил Темре так тихо, что никто не смог бы разобрать, что он там бормочет на ходу, глядя на древесные стволы. – Я не прочь продегустировать его в хорошей компании.

Ветер прошуршал в газоне облетевшей листвой, закрутил ее вихрем, через мгновение распавшимся. Кое-кто из прохожих вздрогнул. Возможно, они, как и Темре, ощутили на миг легкое прикосновение незримых ледяных пальцев к горлу.

Несмотря на общение с полицейскими чиновниками, которое в нынешней ситуации было для него как бальзам на душу, он все еще не отошел после особняка Аргайфо. Мороки тамошние – ерунда, и не такой дряни навидался, а вот истерическая самовлюбленность избалованного юнца и замешанная на ней жестокость – с этого до сих пор отвратно, как будто нахлебался тошнотворной гадости.

У них с Соймелой тоже были те еще отношения. Несколько раз он едва ее не ударил, однако брала свое профессиональная выдержка убийцы наваждений. Вроде бы Сой это обижало и злило (пальцем не тронул – значит, не слишком-то любит!), и она едва ли не нарочно пыталась спровоцировать его на рукоприкладство. Фокусы вполне в ее духе. И все же Сой, которую иногда хочется поколотить, Сой, которая мастерски умеет разжигать ревность, Сой, которая беззастенчиво выпрашивает денег на прокорм своей богемной свиты, Сой-лгуня, Сой-развратница, Сой-мерзавка – живая Сой – гораздо лучше ее труп, спрятанного в подвале в полированном гробу. Когда Темре додумал эту мысль до конца, на душе стало чуть полегче.

Совсем стемнело. Чугунные фонари в виде ажурных цветов, оскаленных страхолюдных морд, отпугивающих злых духов, или скромных «домиков» заливали улицы густым, как желтый сироп, электрическим светом. По Лонвару лучше бродить после наступления сумерек, когда не разглядишь копоты на стенах, а грязноватые колонны, обводы окон и гипсовые статуи белеют в потемках таинственно и маняще, вместо того чтобы наводить уныние своим неряшливым видом.

– Буду рад, если кто-нибудь составит мне компанию сегодня вечером, – проходя мимо витрины, охваченной сиреневым неоновым сиянием, обронил Темре.

Ветер взметнул полы его плаща, и на секунду возникло ощущение, будто до сердца дотронулись холодные как лед пальцы. Не атака, даже не предупреждение – всего лишь знак, что тебя услышали.

Этикет соблюден: приглашение прозвучало трижды. Честно говоря, и одного раза хватило бы, но Темре упрямо придерживался формальностей.

В соседнем переулке находился неплохой магазинчик «Кавья и чай». Он выбрал то и другое самых лучших сортов и распорядился отправить с посыльным в студию рамги «Колдовская Страна» с надписью на подарочной упаковке «Для мастера Ким Энно от Темре Гартонгафи». Дальше они сами перешлют. Уж они-то знают наверняка, кто скрывается за интригующим псевдонимом, и его (или ее) адрес для них тоже не секрет. Ходили слухи, что Ким Энно живет не в Лонваре, а в одном из старинных венгоских городов, пришедших в упадок и напоминающих морские раковины в известковых наплывах и перламутровых отблесках, – то ли в Далибе, то ли в Олонве, то ли в Ордогеде.

Навстречу попалась бойкая компания девушек в красных холлах – расцветка намекала на то, что они ничего не имеют против новых знакомств. Опять подумалось о Роани: вот так предполагаешь, что человек, исчезнувший из поля зрения, живет где-то за горизонтом, занимается чем-то для себя важным, а на самом деле он давно уже гниет в тайнике, прикопанный каким-нибудь доморощенным малахольным злодеем вроде Нолгана Аргайфо.

Темре ничем не смог ей помочь. Даже от состоявшейся его стараниями душеспасительной беседы с Котяррой проку не было. Пожалуй, единственное, что могло безотказно сработать, – это забрать девчонку силой, посадить под замок и не пускать к Нолгану. Будь она гронси, ее родственники так бы и поступили, да еще навалили бы так называемому «ненаглядному», чтобы впредь было неповадно.

У большинства венгосов течет в жилах рыба кровь, даром что они коренные жители материка. Вместо обычая у них права и законы – ну-ну, толку-то было для Роани от этих хваленых достижений материковой цивилизации! Куда, интересно, смотрели ее близкие, когда она попала в беду, и чем столько времени занимались – соблюдали права и законы? Ага, дособлюдались, теперь им предстоит похоронить ее останки, которые пришлют в освинцованном гробу после полицейской экспертизы.

Темре выжал угрюмую усмешку, поймав себя на том, что рассуждает сейчас как истинный гронси из островного клана.

Подъемник с полупустой скрипучей платформой доставил его на улицу Забродившего Сусла. Дальше начинались плохо освещенные гронсийские кварталы – старые малоэтажные дома, скупленные по дешевке островитянами. Давно не чиненные тротуары ухмылялись в потемках извилистыми трещинами.

Сам он жил не здесь, но решил по дороге завернуть к своим, подбросить им денег на ремонт водопровода, о чем они уже с месяц слезно просили. На отца накатило перед смертью сентиментально-торжественное настроение, и он напоследок наставлял: как бы все ни повернулось, не отступайся от клана, гронси должны держаться вместе и помогать друг другу. Темре был человеком материковой цивилизации в гораздо большей степени, чем островитянином, но родительский завет во второй его части соблюдал. Надо выручить родных оглоедов, не так уж они и плохи, особенно если сравнить их с культурной семейкой Аргайфо.

У себя на островах гронси ютились в тесноте: свободное пространство там величайшая ценность после пищи. В силу вековой привычки так же кучно они селились в венгоских городах. Мало кто из них обустроивался отдельно от общины – это считалось за небывалую смелость и осуждалось как проявление негодящего зазнайства. В свое время так поступил отец Темре, после того как выучился на адвоката. Ему нельзя было иначе: положение обязывает, нужно соответствовать лонварским представлениям о солидном человеке – по крайней мере, так он объяснял это вслух.

Сам Темре принадлежал к числу «очужевцев», которые среди венгосов живут как венгосы. Родня его не одобряла и при случае старалась застыдить, но в то же время ценила за то,

что у него можно одолжить денег (ну, то есть выпросить «в долг» и потом не вернуть), не говоря уж о его полезной профессии – если объявился морок, бегите за Темре, сыном Хусве-адвоката!

Клан Гартонгафи оккупировал два квартала по обе стороны улицы Колеса, круто задиравшейся в горку. Дома здесь лепились по-гронсийски, как грибы на пне или хижины на островах, где простор – невозможная роскошь. Те, кто там остался, по-прежнему промышляли рыболовством и сбором моллюсков. Те, кто в поисках лучшей доли перебрался на венгоское побережье, перепродавали их улов на рынках, работали на заводах и фабриках, подметали горбатые лонварские тротуары, держали гронсийские закусовые или сапожные мастерские. И с неодобрением посматривали на венгосов, не говоря уж об очужевцах, ибо те жили не по-людски, крабу ошпаренному на смех, и все делали не так, гневя богов и позорясь на каждом шагу.

Повернув при свете тусклых желтых окошек в ту часть квартала Гартонгафи, где обитала его ближайшая родня по отцовской линии, Темре мысленно приготовился к тому, что сейчас ему в очередной раз все это выскажут. Даже знай его родственники, что он в результате разозлится и перестанет им помогать, все равно бы не удержались. Деликатность и терпимость к чужому образу жизни в число гронсийских добродетелей не входили, а о том, что это они в Лонваре пришлые, гронси в такие «моменты истины» напрочь забывали.

С верхнего этажа доносился шум ссоры – мужские и женские негодующие голоса, выкрики, ругань вперемешку по-гронсийски и по-венгоски. Что там опять не поделили? Уж лучше потихоньку пройти мимо – и напрямик на трамвай, а сюда наведаться в другой раз.

Приняв такое решение, Темре отступил в темноту, огибая освещенный участок перед домом, и тут сверху что-то свалилось, тяжело стукнуло и распалось на куски.

Кумулян – традиционный островной предмет обихода: ящик из необожженной глины, украшенный мелкими ракушками и разгороженный на отделения для всякой нужной в хозяйстве мелочи. Гвозди, пуговицы, булавки, орехи, нитки, рыболовные крючки, дешевые специи в мешочках, пузырьки с лекарствами, заговоренные бусины от сглаза и на удачу – все это добро рассыпалось по утоптанной земле.

Темре не успел удивиться, когда рядом шмякнулась еще и подушка с нарядной вышивкой, какие на островах дарят молодоженам. А потом и вторая. Следом грохнулся пузатый, с добрую кастрюлю чайник из желтого фарфора, разрисованный аляповатыми цветами, еще прабабка Темре заваривала в нем хумзу – полезный для здоровья напиток из сушеных водорослей. И все это с третьего этажа, из распахнутого окна, за которым наперебой кричали. Судя по звукам, там не просто скандал, еще и драка завязалась.

Мученически вздохнув, Темре направился к двери. Похоже, ему предстоит разнимать родственников, что-то насмерть не поделивших, – с перспективой, что обе заинтересованные стороны после этого на него же и обидятся. Или утихомиривать агрессоров из чужого клана, а потом те, как водится, попытаются его подстеречь и прирезать.

И хотелось бы потихоньку пройти мимо, но отец на смертном одре завещал не бросать родню в беде, к тому же Темре одолевало любопытство: что там стряслось, если вещи, на которые в обычной обстановке ни у кого рука не поднимется, летают из окон?

На первом этаже, у подножия темной и страшной, как челюсть хтонического чудовища, деревянной лестницы, толпились дети и старухи, тут же сидел на стуле дядя Гувше, прижимал к разбитой голове окровавленное полотенце. Его лицо тоже было перемазано кровью, вислые седые усы слиплись в сосульки.

– А вот и наш очужевец явился! – каркнула одна из старух, всплеснув руками; ее заштопанная серая шаль колыхнулась нетопырыми крыльями. – Вспомнил про нас, честь-то какая...

– Здравия вам, родичи! – вежливо поприветствовал их Темре. – Что здесь творится?

– Ты ж у нас образованный! – вместо ответного приветствия буркнул Гувше, сердито сверкнув подбитым глазом. – Пойди, урезонь суку!

– Какую еще суку? – озадаченно уточнил убийца наваждений.

– Венгоскую, краба ошпаренного!

– Тебя ж всему выучили, деньги на крабов помет перевели!

– Когда надо, тебя никогда здесь нет и не дозовешься!

– Тебе же венгосы теперь роднее своей родни!

– Ничего не понял, – констатировал Темре, когда они все выдохлись и умолкли.

– Да где тебе понять, ты ж у нас образованный! – едва ли не с ненавистью повторил дядя Гувше, отняв от раны и воздев над головой багровую от крови тряпку. – Витаешь в этих самых... Как их там называют, я в этой вашей культуре не знаток... Иди, говорю, усьмири эту суку бешеную – может, она тебя послушает, зря, что ль, учился!

– Она же там людей убивает! – внесла лепту старуха, похожая на побуревший кочан капусты, и благим матом запричитала: – Ох, убивай-и-ит наших родненьки-и-их, ох, совсем погуби-и-ит!...

Под аккомпанемент ее стенаний Темре поднялся по лестнице, предварительно определив ситуацию как «все тут спятили». О, как он понимал тех, кому хочется поубивать его родственников... Когда умирающий отец просил не бросать их без помощи, надо было неопределенно промолчать, а он связал себя обещанием.

На втором этаже несколько женщин возмущались венгоской распущенностью, бросая опасливые взгляды на содрогающийся от топота и ударов потолок, а на лестничной площадке кто-то лежал, не подавая признаков жизни. Мужчина или парень, Темре взглянул мельком и не узнал, кто это: лицо пострадавшего напоминало битый гранат.

Задерживаться здесь, чтобы выяснить, что же все-таки приключилось и откуда взялась «венгоская сука», он не стал. Успеется. Сейчас главное – навести порядок, пока все живы. Впрочем, в последнем Темре уже начал сомневаться.

На третьем этаже светили все лампы, хотя обычно бережливые обитатели дома экономили электричество. Здесь собрались мужчины и подростки, и выглядели они в разной степени плачевно – фингалы, ссадины, опухшие скулы, кровь на рубашках. На полу валялись ножи, оторванные пуговицы и выбитые зубы, дополняли эту картину алые кляксы. Разило потом.

– А это у нас кто такой? – осведомился холодный женский голос.

Видимо, перед ним стояла та самая «сука».

В правой руке она держала небольшой пистолет, в левой – тряпичную куклу-богачку. Таких специально шьют, заговаривают и сажают где-нибудь в укромном уголке на россыпь монет, чтобы в доме не переводились деньги. Судя по всему, кукле предстояло отправиться в недолгий свободный полет вслед за кумуляном, подушками и чайником.

Пистолет – это было первое, что Темре принял к сведению. Дама вооружена, лучше ее не злить. До кончиков ногтей венгоска, белокожая и беловолосая, с горделивой осанкой. Пожалуй, даже красивая, хотя такие жесткие, надменные лица никогда ему не нравились. Острижена до неприличия коротко, словно каторжанка. Очень светлые, почти прозрачные глаза, стыло холодные, по-нехорошему цепкие, наводили оторопь.

Когда он встретился с ней взглядом, в душе что-то смутно шевельнулось, и ему бы ухватиться за этот импульс, попытаться понять, в чем дело... Но было не до того, и он не придал этому значения. А зря.

Еще мелькнула мысль, что она, должно быть, из циркового балагана. Рослая, выше любого из присутствующих, вдобавок широкоплечая, словно силачка или акробатка, и движения, как на арене. Да еще одета похоже: серебристые лосины обтягивают литые мускулистые икры, на ногах полусапожки с массивными пряжками, холла заткана блестящим шитьем – было в этом что-то вызывающе-театральное, для сцены.

Вымотался он сегодня. Сначала гадючник в доме Аргайфо, потом полицейские протоколы, а после этого в сумасшедшей спешке дорога до Управления Градоохраны в тот дикий предвечерний час, когда такси нарасхват, трамваи переполнены, подъемники перегружены,

езде толпы народу, и лучше бы отложить до завтра, но деньги-то нужны сегодня. Усталость притупила его обычную восприимчивость: как ни крути, а ему следовало сразу догадаться, кого он перед собой видит.

– Почтенная, что вы здесь делаете? – поинтересовался Темре.

Вежливо, поскольку у нее пистолет, но в то же время твердо. Встрепанные побитые родственники поддержали его агрессивным бурчанием.

– Избавляюсь от ненужного хлама, – презрительно бросила Акробатка.

– С вашей точки зрения это хлам, а для людей – их имущество, личная собственность. – Недаром же он был сыном адвоката. – Вы сейчас находитесь в частном доме, поэтому закон не на вашей стороне.

– Я теперь тут живу, так что собираюсь устроиться по своему вкусу, – усмехнулась венгоска, глядя на него как на копошащееся под ногами насекомое – то ли наступить, то ли перешагнуть.

– У вас есть для этого какие-то законные основания? – уточнил Темре все тем же обходительным, но непримиримым тоном, про себя подумав: «Сами напросились, морды несчастные, кто из вас ее сюда притащил? И после этого вы еще будете попрекать меня связью с Сой? Надо выяснить, кто подцепил эту стерву, и дальше пусть дурень сам улаживает...»

– Разве право сильного – недостаточное основание? – саркастически хмыкнула Акробатка.

– Боюсь, что нет. Закон такой категории не признает.

– Правильно делаешь, что боишься, потому что мне нет дела до ваших категорий. Вот мой закон.

Швырнув куклу-богачку в окно – бросок вышел что надо, – она показала Темре сжатый кулак. Это выглядело бы нелепо, если бы не бездонный зрачок пистолета в другой руке, не учиненный в комнате погром и не такая многозначительная деталь, как выбитые зубы на полу.

Недавние обладатели зубов угрюмо слушали препирательства, и до сих пор никто не влез, что само по себе было из ряда вон выходящим обстоятельством.

– Ни один суд вас не поймет, так что лучше бы нам договориться по-хорошему. Как я понимаю, вас сюда пригласил кто-то из моих уважаемых родственников?

– Да какого краба ошпаренного ты все рассусоливаешь, как венгоский придурок! – взорвался, не выдержав, один из родичей. Его голос звучал гнусаво, но не шепеляво – нос разбит, зубы уцелели, – а сам он прятался за чужими спинами, так что чокнутая Акробатка не смогла бы в него попасть, вот и осмелел. – Комнату ей сдали внаем, если сам не допер! Какой там суд, краб ошпаренный...

Спасибо, ввел в курс дела. Положеньице и впрямь сложное: обе стороны не заинтересованы в том, чтобы вмешивать сюда полицию. Бывает, что гронсийские общины втихую пускают к себе жильцов, не платя налога и не сообщая обязательные сведения о постояльцах в органы государственного надзора. Им с этого прибыль, квартирантам – экономия, поскольку легальный съем жилья обойдется дороже, и в придачу это на руку тем, кто по какой-либо причине не заинтересован мозолить глаза властям.

– Сударыня, если вы сняли комнату и вам не нравится, как она обставлена, это можно решить мирным путем. Вещи, которые вас раздражают, унесут, незачем бросать их в окно. Сейчас мы все организуем, и у вас будет такой интерьер, как вы пожелаете. Дядя Бронже, можно с вами переговорить?

Он кивнул главе семейной ветви, который с заплывшим глазом и рассеченной, как будто размазанной, бровью утратил обычное благообразие и смахивал на битого портового забулдыгу.

Разумеется, Темре не собирался ничего «организовывать». Деваху надо сдать в приют для буйных помешанных, ей там самое место. Позвонить в душеболезную опеку, объяснить

ситуацию... А чтобы попечители болезных не донесли насчет незаконной аренды жилья, придется им заплатить.

Обычные дела. И наверняка эти расходы родственники постараются свалить на Темре. Не то чтобы его это радовало, но ему хотелось поскорее покончить с текущим безобразием, а взятка – неминуемое зло, не в первый раз.

Бронже Гартонгафи, бывалый рыночный торгаш, сразу уловил, куда клонит советчик, и захромал к нему с деловитым видом, широко и любезно улыбаясь квартирантке – мол, вот и нашелся обоюдно замечательный выход из положения! Та смотрела с брезгливым прищуром, в раздумье, как будто это слегка сбило ее с толку. Но беда в том, что не все тут были такими догадливыми, как старый Бронже.

Йуджуле, остолоп, скандалист и забияка, в придачу втемяшивший себе в голову, что он с Темре по всем статьям соперничает – это при том, что в кулачном бою и в борьбе гонду Темре неизменно одерживал верх, не говоря уж о прочих жизненных успехах, – возмутился такой уступчивостью и заодно решил дать щелчка выскочке-очужевцу. О пистолете в руке у грудастой белокурой стервы он не забыл, но он и не собирался ее дразнить. С ней еще разберемся, не вечно же она будет держать палец на спусковом крючке. Сейчас важнее отбрить Темре, который слишком много о себе возомнил.

– Все видели, как он хвост поджал? – Йуджуле слегка шепелявил, два зуба ему пришлось выплюнуть. – О чем дядюшке Бронже с тобой толковать? Да с тобой никто из тех, кто себя уважает, точить лясы не станет! Все знают, как ты перед венгосами низкопоклонничаешь и перед этой готов на брюхе ползать... Тьфу!

Он снова сплюнул – на этот раз не зуб, а сгусток розоватой слюны.

– Йуджуле, умолкни, – с досадой процедил Темре, словно бы невзначай сделав жест, означающий «скорбный разумом».

Он имел в виду Акробатку и хотел намекнуть – не мельтеши, пока с сумасшедшей не разобрались, а с тобой, раз неймется, потом отношения выясним, если до сих пор не надоело, – но парень истолковал это как смертельное оскорбление на свой счет.

– Чего это ты мне показал?.. Так у меня, по-твоему, башка не варит?! Думаешь, ты меня отбрil? Ты ж у нас самый крутой и самый образованный, свиное вымя, и на родню тебе накласть, раз ты с венгосами породнился! А я тебе скажу, что сам ты псих и Соймела твоя сучка психованная! – Йуджуле с вызовом ухмыльнулся. – Шлюха твоя бывшая жена, а ты до сих пор к ней бегаешь и стоишь в очереди, чтоб ее поиметь!

– Вот это ты зря сказал, – произнес Темре обманчиво ровным тоном. – Мои отношения с Соймелой никого тут не касаются.

Акробатка смотрела на них с брезгливым высокомерным любопытством, как будто наблюдала за возней животных на скотном дворе.

Дядя Бронже нахмурился и осуждающе крикнул: он-то понимал, что Йуджуле сглупил. Какова бы Сой ни была, говорить о ней так в присутствии Темре не стоило. Пусть она больше ему не жена, какие-то непонятные для родни отношения между ними сохранились, и она до сих пор его женщина, поэтому молчок о ней, разве что Темре сам на нее пожалуется – вот тогда можно будет обругать ее из солидарности, в порядке сочувствия. Или же как угодно ее костери, пока Темре нет рядом, тоже не заказано. Но в глаза мужчине такое высказать – это не по обычаю, это значит нарваться. Йуджуле бестолочь и впрямь скорбный разумом.

– Ты же теперь венгосом заделался, и не наше свинское дело тебя судить, где уж нам, если тебе что клан, что грязь на помойке! – Он вопил с хмельным истерическим надрывом и наступал на недруга, вызываясь сощурив трусовато-отчаянные глаза. – Тебе ж на родство и на вековые обычаи плевать, тебе ничего не стоит на своего поднять руку! Ну, дай мне в морду, не постесняйся!

Темре не стал игнорировать эту просьбу. Кто бы знал, как ему надоели такие сцены. Пусть наконец усвоят, что не собирается он раз за разом играть по их дурацким правилам, и если ему предлагают совершить мордобитие, подразумевая, что он должен стусеваться и воздержаться, – еще надвое, как он в ответ на это поступит.

Забияка пошатнулся и разболтанно попятился, взмахнув руками, чтобы сохранить равновесие. Одновременно с этим прозвучал сердитый окрик Бронже:

– А ну, парни, хватит!

– Не волнуйтесь, сударыня, – обратился Темре к сумасшедшей, опасаясь, как бы та не начала палить из пистолета, заразившись общим настроением. – Сейчас мы займемся вашей комнатой.

– О, я не волнуюсь. – Та продолжала презрительно кривить красивые губы. – От существ низшего уровня я не ожидала ничего другого.

– Слыхал, очужевец? А ты с ней здрасьте-пожалуйста! – крикнул тот, кого прикрывали от выстрела чужие спины.

– Вот сейчас все заткнулись и вымелись отсюда! – потребовал, морщась от боли и поднявшегося ора, глава семейной ветви.

Похоже, авторитет дяди Бронже в последнее время пошатнулся, потому что его не послушались. На Акробатку тоже перестали обращать внимание, по крайней мере, двое старших братьев Йуджуле, которые с угрожающим видом двинулись к Темре. А провокатор – судя по голосу, это был Майчаву, который в любой ситуации норовил проявить свой пакостный характер и кого-нибудь с кем-нибудь стравить, – на этом не унялся и напомнил:

– Ее сюда привел недотепа Чунхе, они с женой около квартирной конторы ее встретили и позвали у нас поселиться. И тому и другому навалить, свиное вымя, чтоб знали, как родне гадить! А жену Чунхе пускай женщины проучат!

Невысокий щуплый Чунхе забормотал что-то оправдательное, его голос звучал невнятно, лицо было разбито. У Темре мелькнула догадка, что белеющие на полу зубы и следы побоев на физиономиях – заслуга не только чокнутой девахи. Родственнички еще и друг друга волтузили, обстоятельно разбираясь, кто больше виноват.

Уклонившись от удара, он врезал сбоку в челюсть одному из нападавших, а против второго использовал прием гонду, позволив ему пролететь мимо и обняться с платяным шкафом, скрипуче всхлипнувшим от такой неожиданности.

– Ты напротился, Темре. – Торжествующий Йуджуле щербато ослабил. – На самых близких людей подлю замахнулся! Сейчас мы тебе сделаем рыло, как морской бурак!

– Чтоб фиолетовое и в пятнах, чтоб его разлюбезные венгосы от него шарахались, как от чумного! – опять принялся подзуживать Майчаву. – Сразу поймет, что вместе мы сила! Задайте ему, чтоб не думал, что он самый крутой!

Как морской бурак, значит? На это Темре согласиться не мог. Ему нередко приходилось общаться и с чиновными персонами, и с заказчиками из почтенных людей, так что фасад ему нужен респектабельный, желательно небитый. Уж извиняйте, не по-вашему выйдет.

Двинув в скулу еще одному охочему до спаррингов родственнику, он отступил, сунул руку за пазуху, извлек, привычно встряхнул и наклеил на лицо маску убийцы наваждений. Универсальное средство защиты, спасает в том числе от дурных кулаков. Теперь физиономия и горло не пострадают, даже если его превратят в отбивную.

На него кинулись Йуджуле и один из прежних противников, попробовав обойти с двух сторон. Врасплох не застали, Темре вновь выручили приемы гонду. Атакующие врезались друг в друга, после чего он, пользуясь передышкой, с досадой оглядел поле боя. Скрывать досаду не было нужды: для стороннего наблюдателя вместо глаз у него змеилась по белому глянцу пара черных рун, как будто вышедших из-под пера искусного каллиграфа.

По-венгоски просторная комната со следами погрома залита светом дешевой люстры в виде граненого стеклянного короба. За распахнутым окном густая темень, в глубине ее тускло, как из воды, желтеют окошки соседнего дома. Толпа воинственно настроенных чернявых мужчин в порванных рубашках, некоторые сердито посматривают друг на друга, но кое-кто не прочь первым делом задать взбучку Темре. На заднем плане, ближе к окну, стоит рослая бело-волосая Акробатка, так и не убравшая пистолет, окруженная зыбким водянистым ореолом.

Стоп, откуда у нее взялся ореол?.. Он же только у мороков бывает...

А не надень Темре маску, так бы ничего и не понял. Так и принимал бы ее за сумасшедшую венгоску. За человека. Ага, как же.

Ну, молодцы родственнички, в этот раз самих себя переплюнули!

Дядя Бронже сыпал ругательствами, пытаясь усовестить распоясавшуюся молодежь, но было похоже, что его гибнущего авторитета на это не хватит. Темре больше не слушал ни его хлестких увещеваний, ни шепелявых угроз поднимавшегося с полу Йуджуле. Работая, он не обращал внимания на посторонний шум, не имеющий отношения к насущной проблеме. Если пришлось схватиться с мороком в людном месте, вокруг обычно стоит галдеж, и не все ведут себя разумно, к этому он давно привык.

Акробатка была сильна, это почти вызывало восхищение – такие монстры ему редко попадались. Уровень физической плотности максимальный, как у существа из плоти и крови, и при этом особая магическая энергия, присущая наваждениям, так и распирает ее изнутри. Кто же ее вызвал к жизни?

Темре затруднялся определить, индивидуальный это морок или коллективный, вот что было довольно-таки странно. Судя по энергетической цельности – никаких сомнений, индивидуальный и в то же время по силе – явно коллективный, одного человека не хватит, чтобы выпустить в мир *такое*.

Вскинув предплечье, словно в попытке прикрыться от удара, благо Йуджуле опять на него попер, он послал в наваждение две иглы. Целил в запястье. Первым делом Акробатку надо обезоружить, пока никого не подстрелила. Подходя к дому, звуков пальбы он не слышал, и пороховой гарью в комнате не пахло – значит, до этого не дошло, она ограничилась демонстрацией пистолета. И это наводит на малоприятные выводы: во-первых, боезапас у нее не израсходован, во-вторых, морок, способный к самоконтролю и прогнозированию, втройне опасен.

Пистолет со стуком упал на деревянные половицы. Должно быть, Акробатка ощутила внезапное онемение, или слабость, или боль в руке – или что там может ощутить морочанка? – и это заставило ее непроизвольно разжать пальцы.

Холодные бесцветные глаза в упор уставились на Темре: она уже поняла, где находится источник смертельной угрозы. «Клиенты» убийцы наваждений всегда это улавливают – видимо, таким же образом, как человек ощущает, откуда потянуло сквозняком или запахом.

Размышляла она недолго. Резко присела, схватила левой рукой выпавшее оружие, потом выпрямилась, одним прыжком очутилась на подоконнике и сиганула в черноту. Судя по всему, она не знала о том, что в ближайшие две-три минуты убийца не сможет повторить атаку. К счастью для Темре, не знала, поэтому предпочла сбежать.

– Откуда эта тварь взялась? – рявкнул он, оделив Йуджуле такой затрещиной, что незадачливый соперник остался лежать на полу, жалобно мыча.

– Так она же ушла, – примирительно заметил родич из тех благоразумных, кто по мере сил пытался замять свару. – Поглядела, как наши горячие парни гронси друг друга молотят, испугалась небось! Хотя задаток-то дамочка оставила за прожитые, вернется еще, кто ж деньгами-то бросается...

– Жрать захочет – вернется, – подтвердил Темре. – Мороки прежде всего кормятся от тех, кто помог им воплотиться. Сознавайтесь, чья она?

Дядя Бронже первым осмыслил услышанное.

– Говоришь, это была морочанка? Деньги-то она принесла настоящие, мы проверили...

– Значит, кого-то ограбила, дело недолгое. Кто думал о ней перед тем, как она здесь объявилась? Лучше признавайтесь, это в ваших интересах. Иначе эта красотка порешит своего создателя, и я ничем не смогу помочь.

Драчуны стояли, опустив кулаки. Даже пакостник Майчаву помалкивал. Тяжелые взгляды родичей один за другим обратились на Чунхе – невысокого мужичка на кривоватых ногах, обычно услужливого и незадиристого.

– Так я-то чего... – растерялся тот, машинально утирая рукавом под разбитым носом, хотя кровь уже перестала сочиться. – Сказал же, мы с моей Хаймой возле квартирной конторы ее углядели, толокся там народ, и она тоже была. Хотели кого позвать, раз комната пустует, семье же с того прибыток. Она и сказала – меня все устроит, и пошла с нами. Зыркала свысока, так венгоска ведь. А думать я о ней перед тем не думал, на кой мне сдался такой ходячий страх...

Задав несколько уточняющих вопросов, убийца наваждений пришел к выводу, что Чунхе ничего не утаивает. И жена его Хайма, которую позвали со второго этажа, тоже ни при чем.

Да и не похожа эта надменная белокурая стерва на те мороки, от которых Темре пришлось спасать родственников в прошлые разы. Колония моллюсков с клацающими зубастыми створками, угнездившаяся в углу чулана, словно в сыром гроте на берегу моря, или маслянисто-черный прыгучий ужас, ошетиженный клешнями и усиками, выскакивающий внезапно из-под кровати или со шкафа, – вот это было в их духе. Незатейливые страшилки, которыми его соплеменники пугают не только непослушных детей, но и друг друга, если подходящее настроение накатит. Акробатка появилась совсем из другой жизни.

Должно быть, она уже успела разделаться со своим создателем и отправилась гулять по свету. Вряд ли она сюда вернется. Скорее всего, примет к сведению, что здесь можно нарваться на убийцу, и будет обходить гронсийские кварталы стороной, так что где ее теперь искать, одни боги ведают.

– Кому неймется выяснить, кто из нас круче, предлагаю померяться силой на празднике Зимнего Солнцеворота – на состязаниях, по обычаю, а не как пьяная венгоская шваль в подворотне, – добавил Темре ожесточенным тоном.

На сегодня он был сыт по горло общением с родней.

Самые воинственные с оскорбленным видом запереглядывались – сравнить их с венгосами, да еще и со швалью! – но последнее слово осталось за ним.

Очужевец попрекнул гронси несоблюдением обычаев, и ведь ничего с ходу не возразишь, чистую правду сказал. Что ж, ему это еще припомнят.

Темре проводили неприязненным ворчанием. Спускаясь по лестнице, он услышал наверху голос Бронже Гартонгафи, стыдящего молодежь, – тот решил воспользоваться раскладом, чтобы худо-бедно восстановить свой пошатнувшийся авторитет.

Небо застилала дымная ночная мгла, сквозь которую око Великой Кошки еле просвечивало, а звезд и вовсе не было видно. Убийца наваждений замер возле порога, настороженно озираясь, но зыбкого мутноватого мерцания, свидетельствующего о присутствии морока, нигде не заметил.

Акробатка ушла. Благоразумие перевесило кровожадные позывы. Если они столкнутся снова, она попытается его убить, и можно побиться об заклад, к тому времени она будет больше знать о тех, кто охотится на нежить вроде нее, но сейчас, не владея информацией о противнике, морочанка предпочла не связываться.

Несмотря на это, в волглую темень ранней осени Темре вышел в маске. Расслабляться не стоит, хотя маловероятно, чтобы его поджидали в засаде: раз эта сущность способна оценивать обстановку и принимать практические решения, она, скорее всего, уже далеко отсюда.

Что ей тут ловить? Своего естественного врага, убийцу наваждений? Но заранее не скажешь, кто одержит верх и которая по счету из нематериальных серебристых игл может стать для морока последней.

Уничтожать Темре как свидетеля тоже не имело смысла, так как ее видела и запомнила масса народу (*такое*, знаете ли, запоминается надолго!), разве что Акробатку одолеет желание отомстить. Однако воздержалась ведь она от пальбы в доме – значит, неглупа и не лишена выдержки. Интересный противник. Несмотря на усталость после всех сегодняшних передрыг, Темре ощутил проблеск азарта: справиться с таким мороком будет непросто. Главное, не сейчас. На сегодня с него хватит.

Гронсийские кварталы он знал как свои пять пальцев. Попетляв по дворам, где развешанные на веревках простыни белели, словно паруса невидимых в ночи суденышек, а вкопанные в землю дощатые столы, внезапно выплывающие из темноты, напоминали причалы, он убедился, что на хвосте никто не висит.

Предположения подтвердились: Акробатка отправилась попытать счастья в другом месте. Лонвар велик. Вполне вероятно, что в следующий раз она уже не станет с ходу тиранить хозяев жилья и воздержится от представления с выкидыванием в окно непонравившихся предметов домашнего обихода. Некоторые из этих сущностей способны учитывать свои ошибки совсем как люди.

Выйдя к трамвайному мосту, Темре стянул маску. Криво усмехнулся под капюшоном: что ни говори, все повернулось наилучшим образом, а то хорош был бы убийца наваждений, попытайся он сдать морок санитарам из душеболезной опеки! Вот получилось бы посмешище... Чуть не опозорился, но боги миловали.

И все же что-то его слегка царапало, как будто забыл невзначай о чем-то важном.

Под ногами блеснул золотой зигзаг отразившегося в луже фонаря, и тут память, словно проснувшись, услужливо выдала подсказку. Темре мысленно застонал.

Он ведь пригласил кое-кого в гости! Честь по чести, повторив приглашение трижды, и ему со всей церемонностью ответили.

Некоторых нежеланных визитеров лучше позвать по-хорошему, иначе они явятся незваными, да еще выберут такой момент, что это окажется совсем некстати. Вот Темре и последовал принципу меньшего зла, решив пожертвовать нынешним вечером, чтобы в ближайшую десятидневку не опасаться непрошенных вторжений, и все складывалось прекрасно, но дернуло же его завернуть к родственникам! В результате он сильно припозднился. Если гость опередил его, не застав, расценил это как оскорбление, последствий не предугадаешь. Может статься, там уже все стекла вдребезги, и по комнатам шуршат сквозняки, и на ковер в гостиной намело мокрых бурых листьев...

* * *

Гостиничный номер им достался из разряда приличных, но было в нем что-то неуловимо неуютное, наводившее на мысли о бренности бытия. Из приоткрытой форточки тянуло гарью и сыростью. За окном, среди черноты, шума и блеска, растекался, словно желток по чугунной сковородке, размытый дождем электрический свет. Иноре надоело на это смотреть, и она задернула штору, после чего в комнате стало еще тоскливее: эрзац-комфорт с поблекшими зелеными обоями в мелкий цветочек, случайное пристанище, тишина которого того и гляди взорвется грохотом вышибаемой двери.

В частной детективной конторе заверили, что точный адрес убийцы наваждений Темре Гартонгафи ей смогут сообщить через несколько дней. Ждать терпеливо, сохраняя душевное спокойствие, Инора не умела. В процессе ожидания она обычно изводилась хуже некуда и давала волю воображению – неслабому и весьма изощренному воображению мастера иллюзий.

Кайри сидела с рамгой на кровати, скрестив ноги, на глаза ей упала белая челка, остальные волосы были зачесаны назад и собраны в хвостик на макушке. Судя по приглушенным крикам чаек, плеску волн и бодрым возгласам, она смотрела что-то о морских приключениях. Внезапно звуки стихли. Одновременно с этим невидимая Иноре картинка, заключенная в магическую рамку, застыла, словно искусно раскрашенная фотография, – и девочка вскинула голову.

– Ты обещала рассказать, какая разница между работой мастера иллюзий и мороками.

– Прямо сейчас? – вздохнула Инора.

Чтобы кому-то что-то объяснять, надо, чтобы мысли не мельтешили, словно обитатели раздавленного муравейника, а пребывали в более-менее упорядоченном состоянии.

– Давай сейчас. Это лучше, чем метаться по комнате, трагически глядеть в окно и заламывать руки, как героиня любовной рамги, от которой или кто-то ушел с концом, или вот-вот должен прийти и все испакостить.

– Спасибо на добром слове, – фыркнула Инора, усаживаясь на стул напротив.

– Всегда пожалуйста. Так расскажешь?

– Ладно. Только, если захочешь о чем-то спросить, не забывай, что наваждение, от которого мы сбежали, не рекомендуется называть по имени. Иначе оно может нас учуять и получить ориентир, в какой стороне мы находимся.

– Ты об этом уже в сто первый раз говоришь.

– Лучше быть занудой, чем трупом, – отрезала Инора. – И лучше сто раз повторить предупреждение, чем один раз произнести вслух то, чего нельзя говорить. Морок, обладающий именем, вдвойне опасен, он более устойчив, чем безымянные наваждения, и уничтожить его труднее. Вдобавок имя может сыграть роль приманки. Да, все это я тоже тебе объясняла, – добавила она торопливо, опередив возглас Кайри. – Отвечаю на вопрос, слушай внимательно. Созданная мастером иллюзия и возникшее само собой наваждение – явления на первый взгляд схожие, но между ними есть важные отличия. Их питает разная энергия: в первом случае это творческая сила мастера, воплотившаяся в образе согласно его замыслу, во втором – всевозможные людские эмоции, чаще всего дурного толка, такие как страх, ненависть, зависть, болезненная похоть, желание отомстить и все в этом роде, они могут сгущаться в субстанцию, из которой лепятся мороки. Наши иллюзии – это просто картинки, они лишены собственных желаний и не обладают самосознанием, а мороки могут хотеть, могут проявлять хитрость и преследовать свои цели, они ощущают свое «я», по крайней мере на уровне животного. У них есть базовые инстинкты, они распознают опасность и защищают свое существование. Иллюзии не нуждаются в подкормке, им достаточно того, что было заложено в них в процессе создания, а наваждения хотят кушать. В лучшем случае им хватает человеческих эмоций, но бывает, что этого недостаточно, тогда им нужны кровь и плоть, причем годится только та добыча, которую они убили сами, – требухой из лавки мясника их не накормишь.

– Я давно уже поняла важную вещь, – отложив рамгу и по-кошачьи потянувшись, сообщила Кайри. – Сверхопасными мороки становятся из-за нашего страха перед ними, правда ведь? Значит, если ты не будешь так сильно бояться, ты насколько-то ослабишь это наваждение – самая обыкновенная обратная связь.

– Не совсем так. Раз *она* уже воплотилась, мое теперешнее состояние на нее не повлияет.

– Все равно попробуй или заглушить свой страх, или отвлечься, тогда меньше риска, что *она* до нас доберется.

– Хорошо. – Инора согласно кивнула, хотя вовсе не была уверена, что сумеет последовать этому дельному совету.

* * *

Темре жил в старом доходном доме на склоне Блудной горки, до того старом, что его кирпичные стены, почернелые от многолетней копоти, на ощупь давно стали шершавыми, как нешлифованный камень. Если смотреть издали, дом был на свой запущенный лад красив. Прямоугольные окна обрамлены барельефными стрельчатыми арками, этажи отделены друг от друга широкими карнизами, на которых нередко отдыхали трапаны, сложив шалашиком кожистые крылья. Все декоративные изыски из кирпича, никакой лепнины.

Горка называлась Блудной, потому что однажды ночью якобы пропала, так что ее припозднившиеся обитатели никак не могли попасть домой, но под утро снова появилась на прежнем месте.

Темре пошел от трамвайной остановки напрямик через парк у подножия холма. Повсюду кучи облетевших листьев, и старые лестницы сплошь ими засыпаны – безопаснее подниматься сбоку, сойдя с дорожки. Деревья, как и окрестные строения, скорее подразумевались, чем присутствовали в этой чернильной реальности. Пока на какое-нибудь из них не налетишь. Если бы светила луна, как оно бывает по ночам за пределами столицы, ее серебристое сияние заливало бы всю округу, но с тех пор, как наступила эпоха пара, небесное око Великой Кошки не заглядывало в накрытый смогом Лонвар.

Дом стоял на месте, уже отрадно, и никакого тревожного шума оттуда не доносилось. Окошки желтели за переплетением ветвей тепло и уютно. Ага, светятся два окна его гостиной в верхнем правом углу темной декорации на крошечном ночном фоне, каждое состоит из четырех пар квадратов, разделенных рейками переплета. И непохоже, чтобы стекла пострадали.

Убийца наваждений тихо отпер дверь подъезда, быстро, хотя и не роняя достоинства, поднялся по лестнице, пахнувшей мышами и болотно-сладковатыми ароматическими курениями, просочившимися из-под чьей-то двери.

Квартира была заперта, замочная скважина затянута паутиной «сторожа», убрать которую не смог бы никто, кроме хозяина. Точь-в-точь как утром, когда он отсюда уходил. Значит, вошли не через дверь. Кто бы сомневался.

«Сторож» послушно скользнул серой горошиной в подставленную ладонь, мигом втянув свою паутину. В прихожей Темре дождался, когда он напьется крови – ему требовалось немного, меньше капли, – отцепил его и посадил в стеклянную вазочку в виде бутона кувшинки. Потом повесил на крючок отсыревший плащ и плавным шагом готового к броску хищника направился к полоске света, наискось перечеркнувшей погруженный в полумрак коридор.

Когда он остановился на пороге, гость, развалившийся в его любимом кресле, отсалютовал ему бокалом.

У гостя было узкое смуглое лицо с высокими, чересчур острыми скулами и впалыми щеками. Масса черных волос заплетена в косички разной длины – на концах висели костяные и деревянные бусины, темно-красные дикие ягоды, пробитые позеленелые монеты канувших в прошлое государств, мелкие ракушки, истрепанные кожаные шнурки.

Глаза с приподнятыми к вискам уголками и иссиня-черной радужкой, с почти неразличимыми в этой блестящей тьме вертикальными зрачками смотрели насмешливо и в то же время с удовольствием бродяги, которого пустили погреться у камина. Он казался слишком худым, а кисти его изящно костлявых рук демонстрировали неестественную гибкость. Длинные тонкие пальцы, униженные перстнями, оканчивались слегка загнутыми желтоватыми когтями, напоминающими птичьи.

Туника и заправленные в сапоги штаны были сшиты или, скорее, непонятно каким образом склеены из осенних листьев – коричневых, желтых, бурых, багряных, отливающих влаж-

ным блеском, пахнувших прелью и сыростью с легкой горчинкой, и это невероятное одеяние вовсе не собиралось рваться или расплзаться в клочья.

Гостиная выглядела как всегда, никаких признаков насильственного вторжения, не считая занятого хозяйского кресла. Ни осколков, ни грязных следов на ковре. Хотя откуда бы взяться следам, если визитер способен просочиться сквозняком в любую щелку, не запечатанную охранным заклинанием?

– Рад тебя видеть, – произнес Темре, выставив на стол «Гинбо Таи» с тускло золотящимся гербом на темном стекле, и повернулся к шкафу за бокалом.

Он почти не покривил душой. После Нолгана Аргайфо с его выморочными «ненаглядными» и толпы распираемых праведным негодованием родственников он был бы рад любой компании, не имеющей с ними ничего общего. Пусть даже это будет Клесто, или Дождевой Король, или Птичий Пастух, или Смеющийся Ловец, или как его там еще называют. Древний стихийный дух, который, видите ли, нуждается временами в человеческом обществе.

Темре свел знакомство с этим существом в начале прошлой осени. Его тогда пригласили, чтобы он разделался с мороком, который объявился в заброшенном особняке в респектабельном пригороде Лонвара. Старинный дом, украшенный гипсовой лепниной в виде причудливых раковин – посеревшей от пыли и копоти, но все равно волшебной красивой, – собирались ломать, чтобы построить на его месте гостиницу с рестораном, а зловредный обитатель никак не хотел отсюда убираться и изобретательно запугивал нанятых хозяевами рабочих.

Темре не сразу разобрался, что никакой это на самом деле не морок. Только после нескольких сражений, измотавших его бешеным темпом и феерическим идиотизмом ситуаций, больше напоминавших балаганный фарс, чем трудовые будни убийцы наваждений, он начал подозревать, что здесь что-то весьма не так.

Смеющийся Ловец, которому понравилась эта игра, морочил ему голову, имитируя характерный для воплотившихся наваждений ореол. В конце концов Темре, укрепившись в своих догадках, проконсультировался у знающих людей и разоблачил лицедея. После чего сообщил заказчикам, что им нужно звать на помощь других специалистов, природные духи не по его части. Пришлось выдержать еще одну баталию, на сей раз словесную: на него орали, брызгая слюной и требуя непонятно чего: то ли возвращения аванса, то ли расправы с духом, будь он хоть трижды древним и могущественным.

С такими сущностями, как Птичий Пастух, нет смысла воевать, с ними нужно договариваться по-хорошему. До хозяев злополучного дома это все же дошло, и они обратились за посредничеством к жрецам Девятирукого, однако Клесто был категорически против того, чтобы особняк сносили. Уладить ситуацию к обоюдному согласию так и не удалось, и пришлось им, понеся немалые убытки, отказаться от этой затеи.

И все бы ничего, но Дождевой Король вскоре после этого понял, чего ему на протяжении бесчисленных веков не хватало: возможности заглянуть вечером в гости к Темре на чашку чая или кафы.

В первый раз Темре, затаивший досаду (недаром же считается, что если гронси – так непременно злопамятный), попытался вышвырнуть незваного гостя вон. Страшно вспомнить, в какую сумму это вылилось. Пришлось возмещать ущерб и хозяину доходного дома, и соседям, у которых что-то там с потолков и со стен попадало, хорошо, что никого не зашибло.

Он съехал с квартиры, а когда история повторилась, снова поменял жилье – тогда-то он и перебрался на Блудную горку.

В третий раз обошлось без драки. Темре угораздило подцепить жестокую простуду с лихорадкой, а бесцеремонный визитер напоил его каким-то неведомым бальзамом собственного изготовления, и заразу со всеми симптомами как рукой сняло. Он влил в него это зелье силком, словно скармливал лекарство малому ребенку, пока убийца наваждений, почти не мняемый от жара, пытался нашарить заговоренный нож.

Бить морду в благодарность за лечение вроде бы невежливо, так что Темре, окончательно придя в себя, предложил ему иллихейской кавьи, сознавая, что перемирие де-факто заключено и теперь никуда от этого не денешься.

Клесто, хоть и был древним духом, любил и кавью, и чай, и хорошее вино. Он не пьянел и не нуждался в материальной пище, но пил все это, как сам признавался, ради настроения – мол, оно может быть таким же ароматным, изысканным и богатым оттенками, как для вас, людей, какой-нибудь дорогой напиток.

Однажды он выжрал заряд из дюжины батареек для мощного переносного фонаря. Видимо, тоже ради настроения. Его глаза после этого заблестели сильнее обычного, а длинные волосы начали шевелиться, словно масса медузых щупалец в воде, и искрить с тихим угрожающим треском, вдобавок на него напало разнузданное веселье. С тех пор батарейки и аккумуляторы Темре прятал подальше, и в кладовке, где устроил тайник, развесил с десятков отвращающих амулетов. Впрочем, кто поручится, что этот эпизод, изрядно потрепавший ему нервы, не был всего лишь спектаклем?

Убийца наваждений уже притерпелся к этой, с позволения сказать, дружбе. Если Дождевого Короля время от времени зазывать в гости по-хорошему, он не свалится как кирпич на голову, когда его не ждешь. Этому жителю вечности нравилось, чтобы его персонально приглашали: похоже, он получал от этого удовольствие, все равно что кот, которого чешут за ухом. Возможно, потому, что большинство людей не горели желанием увидеть его у себя дома, наоборот, всячески старались обеспечить неприкосновенность своего жилья с помощью амулетов и храмовых ярлыков с охранными заклинаниями.

Поначалу он появлялся, когда вздумается. Мог просочиться в квартиру в отсутствие хозяина, и если Темре возвращался домой с единственной мыслью поскорее завалиться спать или забраться в теплую ванну, это было до того некстати, хоть стреляйся.

Однажды Смеющегося Ловца застала Сой, тоже нагрянувшая без предварительной договоренности, а потом их обоих застал Темре. Та еще была хохма. Воспоминание о том эпизоде до сих пор вызывало у него оторопь.

Оставалось только дожидаться, когда Клесто надоест эта блажь. Надоест ведь ему рано или поздно.

– Ты посмотри, что я принес, – произнес он мечтательным голосом, погладив тонкими когтистыми пальцами граненое стекло небольшой бутылки, стоявшей перед ним на столе. – Старая венгоская маланга. Долгие зимние вечера, сладкие специи, треск поленьев в камине, осторожная игра взглядов и недомолвок, горячее вино с ароматом терпких тропических фруктов – словно намек на что-то, что могло бы быть, но здесь и сейчас не произойдет... И все это – в одном глотке. Зимой малангу нужно пить подогретой, а в другие времена года она должна быть не теплее и не холоднее, чем воздух в комнате. Попробуй. Сегодня я угощаю, а твой рарьяngle оставим на другой раз.

– Откуда такая редкость? – справился Темре, наливая в бокал вязкое янтарное вино. – Это ж государственное достояние заодно с золотым запасом, запрещенное к употреблению рядовыми гражданами. Ты втравил меня в криминал.

Это здоровое утверждение не помешало ему насладиться сначала букетом, а потом и вкусом драгоценного напитка.

– Купил у интенданта Державной Палаты, приняв для отвода глаз человеческий облик. Мне накануне повезло, я случайно нашел свой старый тайник. Не помню, когда я его устроил, десять или двести лет назад, но денег там оказалось чересчур много, целый сундучок. Почему ты опоздал?

– Из-за морока. Завернул на пять минут к родственникам и нарвался там на эту дрянь, которая в довершение всего от меня сбежала.

– Поймаешь, – подзадоривающее усмехнулся Клесто. – Я же помню, как ты ловил меня, это было незабываемо, как пляска молний.

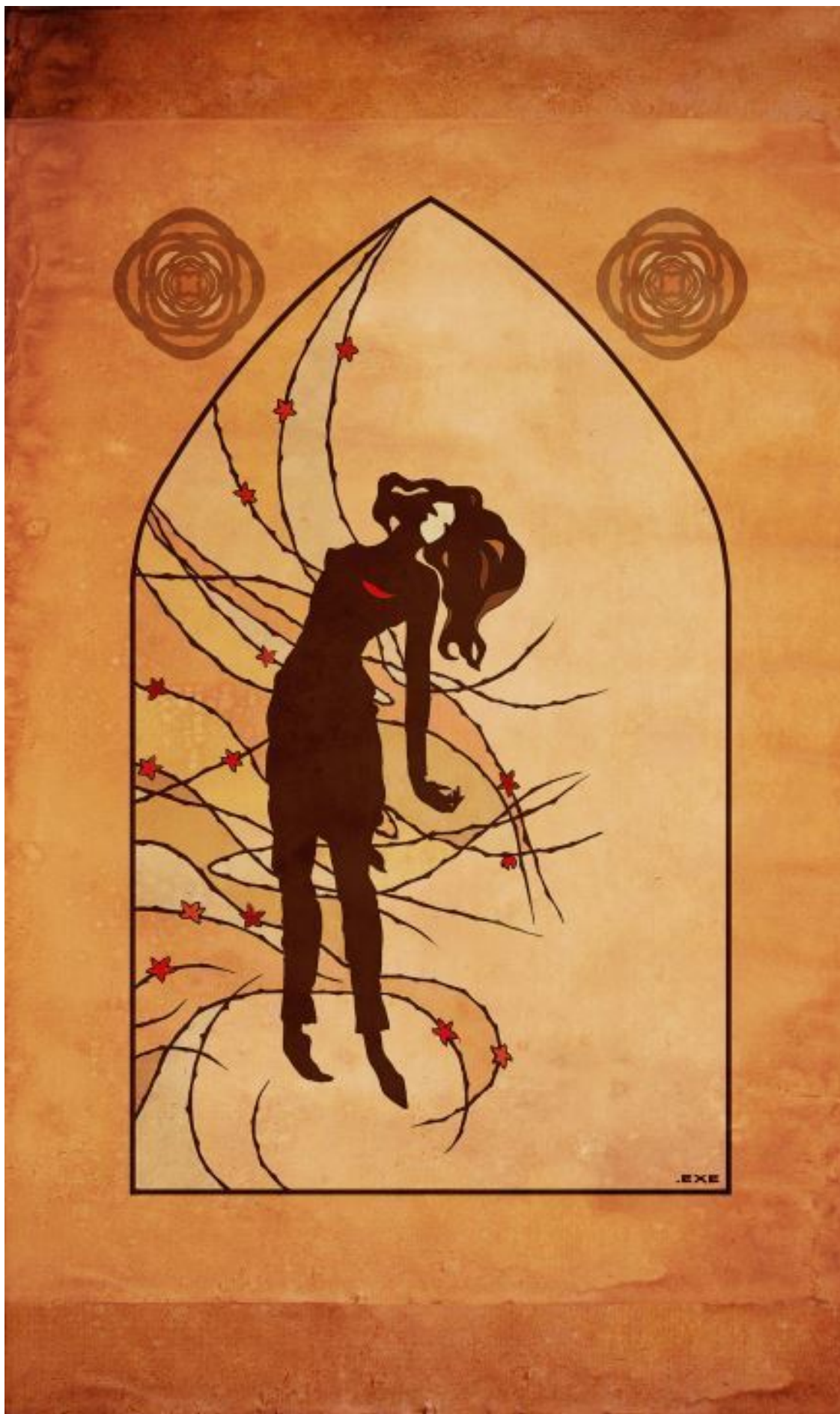
– Поймаю, если мне за это заплатят, – сухо уточнил убийца наваждений.

Тратить на поиски Акробатки прорву никем не оплаченного времени он не собирался. И если на то пошло, воспоминания о том, как он гонялся за Клесто, вовсе не доставляли ему такого же удовольствия, как разнежившемуся в кресле напротив собеседнику. Невелика радость вспоминать, как тебя одурачили. Да и авансу от владельцев злополучного особняка не хватало ровным счетом одного нуля, чтобы можно было считать его соразмерной компенсацией за это безобразие.

– Жаль, мне нечасто случается найти что-нибудь из своих сокровищ, – вздохнул Клесто, разливая в бокалы остатки маланги. – Обычно я превращаю деньги в сухую листву, чтобы их не украли, это лучший способ что-нибудь спрятать, но их уносит ветер, они теряются и смешиваются с настоящими листьями – попробуй потом хоть что-то отыскать!

Ким Энно

«Раллаб» ожидался в лонварском порту по графику через несколько дней. Приезжий из Иллихеи, сошедший с «Принцессы Куннайп» и зарегистрированный в Гостевом Управлении под именем Шулнара Мегорчи, по этому поводу психовал изрядно. Словно невезучий игрок, который подчистую продулся в пирамидки и решился еще на один раз в надежде отыгаться, а у самого и руки дрожат, и рот кривится, и душа похожа на охваченную нехорошей сутолокой площадь, потому что пропал он, совсем пропал, если и теперь не подфартит.

На пароходе, носящем гордое имя иллихейской столицы, вполне могут приплыть мерзавцы, посланные по его душу.

Цепняки из имперской тайной полиции, получившие приказ арестовать хасетанского мошенника Клетчаба Луджерефа, который в течение двадцати четырех лет выдавал себя за Ксавата цан Ревернуха, потомственного аристократа и министерского служащего.

Отягчающее обстоятельство: он не только убил настоящего Ревернуха, но перед тем еще и поменялся с ним внешностью, воспользовавшись для этого зеркалом-перевертышем – магическим артефактом, за одно обладание которым можно загреметь на каторгу. Однозначно смертная казнь, в таком деле никакой срок давности не спасет.

Но это еще не самый страшный вариант. Хуже будет, если его сцапают агенты высокородных цан Аванебихов – влиятельнейших в Империи магнатов, которые водят дружбу с пожирателем душ, известным под именем Короля Сорегдийских гор.

Из-за ссоры с треклятой древней тварью честному аферисту Луджерефу пришлось поступиться своими принципами и воровскими законами – пойти, слуханное ли дело, на государственную службу. Он тогда не опозорился на весь Хасетан лишь потому, что ни одна собака об этом не прознала. Человек шальной удачи Клетчаб Луджереф для всех исчез, а имя столичного чиновника Ксавата цан Ревернуха никому из его прежних корешей ни о чем не говорило.

Этим летом он попытался покончить с сорегдийским живоглотом, столкнулся ради этого с известным истребителем нечисти, согласился рискнуть собой, то есть сыграть роль приманки... И проиграл. Потому и пришлось бежать за океан.

Если люди Аванебихов его настигнут, они его не убьют. И властям сдавать не станут. Они преподнесут его своему разлюбозному деловому партнеру, окаянной твари из Сорегдийских гор, которая спит и видит, как бы его схарчить. А если тебя съест пожиратель душ, ты пропал – никакого перерождения не будет, даже самого плохонького.

Впрочем, если его схватят официальные посланцы Империи, тоже никаких гарантий, что дело не закончится последним путешествием в Сорегдийские горы. Все продается и покупается, вопрос лишь в цене, а за ней Аванебихи не постоят, лишь бы угодить хозяину горной страны, где у них шахты и заводы по переработке сырья.

Без надежды никуда, вот и у Клетчаба до последнего времени теплилась сука-надежда, что пожирателю душ сейчас не до него: сперва надо с другим врагом покончить. С парнем из тех иммигрантов, которых жрецы-маги наловчились таскать с помощью Пятерых из сопредельного мира, ибо демографическая ситуация в Империи давно уже оставляла желать лучшего.

Парня звали Ник, он находился в услужении у преподобной жрицы, которая скиталась по иллихейским дорогам, словно рядовая «бродячая кошка», зарабатывая, где придется, деньги для ордена Лунноглазой. Хотя нет бы ей сидеть в каком-нибудь монастыре да плевать из высокого окошка на тех, кто глазеет с почтением снизу вверх. Вот из-за этих-то двоих Клетчаба и угораздило прогневать богиню, что ходит в кошачьей шкуре, истинная правда, они во всем виноваты.

Ник мало того, что проявил неуважение к Клетчабу, который тогда звался Ксаватом цан Ревернухом, так еще и чего-то не поделил с оборотнем, выбравшимся из своих горных владений, чтобы в очередной раз погулять по свету. Подробностей Клетчаб не знал, но парень ни много ни мало натравил на сорегдийскую тварь грызверга.

Эта страшная псина с двойными рядами зубов, которые все что угодно перекусят наполам, принадлежала супруге высокородного цан Эглеварта, недремлющего наместника государя в Макиштуанском княжестве. Монашка с Ником подрядились доставить грызверга из Рифала в Макишту, засадив его для транспортировки в специальный кристалл – жрецы высшего посвящения горазды на такие фокусы. По дороге они разделились: преподобная отправилась на храмовый праздник, а парень поехал дальше один, кулон с кристаллом висел у него на шее.

Видать, когда ему не посчастливилось схлестнуться с проклятым оборотнем – совсем как Луджерефу четверть века тому назад, – он, не будь дурак, произнес магическое слово, и свирепая зверюга вывалилась из кулона в обычное пространство. Она долго гонялась за Королем Сорегдийских гор – инстинкты разыгрались, грызвергов когда-то вывели, как псов-преследователей, – и под конец чуть его не растерзала, но тот все-таки успел ступить на свою территорию, где мигом скинул человеческую личину и обернулся древним чудовищем.

Вроде бы яснее ясного, что Нику после этого не жить. Радуюсь, что внимание злопамятной твари на ближайшее время переключилось на новую жертву, Клетчаб рискнул наведаться в Хасетан – свой родной город, который все эти двадцать четыре года оставался для него недосягаемой мечтой, бередящей душу. Певучий южный говор, белеющие в жемчужно-розовых сумерках приморские кварталы, пивные, бордели, весело гомонящие рынки, игорные притоны, благоухающий водорослями и рыбацкими сетями ветер, разгульная атмосфера шальной удачи, какой не найти ни в одном из других имперских городов. От всего этого он без вина опьянел – хотя вино, само собой, тоже присутствовало – и, как всякий пьяный, потерял осторожность.

Едва не погорел. Еще чуть-чуть – и взяли бы его тепленьким. О прежней опостылевшей жизни в шкуре министерского чиновника хотелось забыть, но он все же решил для порядка навести справки по своим давно отлаженным каналам. И оказалось, дела обстоят совсем неважно.

Ник сдал вступительные экзамены в Макиштуанский университет и живет себе в Макишту как ни в чем не бывало, хотя ему бы умотать подальше от Сорегдийских гор, поменять имя, раствориться в великой людской массе, населяющей Иллихейскую Империю... От скудоумия? Так его же и впрямь до сих пор никто не тронул! Мало того, у него состоялся доверительный разговор с высокородной Эннайп цан Аванебих, юной мерзавкой, выполняющей обязанности официальной посредницы между Аванебихами и Королем Сорегдийских гор.

Та специально прибыла в Макишту, чтобы невесть о чем потолковать с Ником наедине, оставив по ту сторону закрытых дверей и прислугу, и даже своих телохранителей. О чем они там беседовали, неизвестно, но, говорят, высокородная соплячка после этого выглядела довольной, так и сияла глазницами, да и Ник вовсе не казался запуганным и весь следующий день ходил с ошалелой улыбкой. Надо понимать, вместо казни парня завербовали для каких-то делишек, вот он и обрадовался.

Клетчаб еще не успел хорошенько обмозговать эти неутешительные новости, как заметил слежку, и, не задерживаясь даже затем, чтобы раздобыть побольше денег, сразу взял билет на «Принцессу Куннайп».

Уже на борту парохода, просматривая в библиотеке доставленные из столицы последние газеты, он получил весточку еще об одном участнике тех событий. Ее величество государыня задумала устроить при дворе праздник домашних животных, на котором жюри из дам и кавалеров выберет и наградит самого милого питомца. Сразу было оговорено, что кошки и трапаны не участвуют: священные звери, находящиеся под покровительством Лунноглазой и Ящероголового, заведомо лишат шансов на победу всех остальных, поэтому для них потом будут проведены отдельные праздники, а владельцы других зверушек для участия в конкурсе должны зарегистрироваться.

Регина цан Эглеварт закатила скандал, когда ей с грызвергом дали от ворот поворот. Мол, ее Заинька никакой не опасный, это раньше он был злой, а теперь стал добрый, он обязательно должен получить приз, потому что он самый милый домашний любимец, и нечего называть его «специально выведенной бойцовой породой» – сами они такие, специально выведенные... Все это она высказала корреспонденту «Светской жизни», добавив, что уже подала государыне жалобу на то, что их с Заинькой притесняют и не хотят регистрировать.

Чем все это закончилось, теперь уже не узнать, разве что в Анву попадут с оказией следующие номера «Светской жизни». Если кого-то интересует мнение Луджерефа, этот Заинька во всех смыслах сукин сын: чуть не набросился на Клетчаба, который из западни его выпустил, а Короля Сорегдийских гор так и не загрыз. Натуральная будет несправедливость, если такую подлую псину самым милым домашним животным назначат.

Но это все дела прошлые. Игры, которые закончились: фишки и жетоны ссыпаны в кучу, свет потушили, народ разошелся. Все это осталось в Иллихее, а Клетчаб сейчас в Лонваре. В огромном и уродливом кирпичном городе, где небо затянуто смогом, нет ни одной прямой, как стрела, улицы – повсюду лестницы, скрипучие подъемники, тронутые ржавчиной мостики, и в горле першит от дыма, и штукатурка в гостинице отсыревшая. Не жизнь, а сплошная мерзопакость, в особенности если сравнивать с Хасетаном.

Еще и смотри в оба, чтобы тебе не всучили иллюзорные деньги. Правда, для того есть специальные артефакты, распознающие подделку, – шутовина величиной с пресс-папье, в кармане такую таскать не будешь, поэтому власти рекомендуют гражданам и гостям Венги ничего не покупать у случайных людей на улице, тем более что это деяние запрещено законом и виновникам грозит штраф. Должно быть, те два ушнырка подкатились тогда к Луджерефу со своими рубинами-изумрудами, потому что угадали в нем приезжего. На будущее наука.

В венгоском языке он за минувшие дни поднаторел благодаря лингвистическому амулету и собственной расторопности. С утра до вечера толкся среди людей, присматривался, прислушивался, чесал языком, а то еще, выбрав кого-нибудь, начинал во всем ему подражать, словно предстояло дельце, когда ради поживы надо разыграть целый спектакль. На этом поприще он определенно делал успехи: пару раз случайные собеседники в закусовых принимали его за приезжего из Южной Анвы. Чтобы здесь затеряться, надо натянуть на себя здешнюю кожу – и чтобы она сидела как своя собственная, нигде не провисала и не топорщилась складками.

Хоть и подмывало его рвануть прочь из этого города, не дожидаясь прибытия «Раллаба», он раздумал делать такую глупость. Он ведь еще не настолько освоился, чтобы не вызывать подозрений и не бросаться в глаза. Выследят. Полицейский аппарат здесь почище имперского, потому что налажен в том числе для ловли иностранных шпионов, а преследователи наверняка будут наделены всеми полномочиями и обратятся за содействием к официальным структурам.

Нет уж, прятаться нужно по-другому: забиться в самую глубь городского лабиринта и впитывать новый опыт, пока не станешь неотличим от анвайцев. Он больше не Шулар Мегорчи. Он невесть кто, и пойти ему некуда, кроме как на самое дно. Не ахти какой вариант, но приличный путешественник Шулар Мегорчи отыграл свое и должен исчезнуть.

* * *

Казалось, что шербатые кромки уходящих вниз ступеней заштопаны паутиной. Если смотреть сквозь маску убийцы наваждений, эта паутина тускло мерцала, да и вся ямина, загроможденная обветшалыми сараями, была затоплена зыбким водянистым сиянием: морок заполонил ее доверху, как туман. Для невооруженного глаза он и был всего лишь сероватым туманом, сквозь который просвечивали залатанные чем попало крыши поналепленных внизу развалюх.

Собравшаяся толпа тревожно роптала, к краю никто не подходил. Почернелые кирпичные трущобы, теснившиеся вокруг, выглядели так, словно сюда каждую ночь приходят неведомые звери и грызут их углы, колушают когтями стены, обкусывают карнизы. Окна обшарпанных домов смотрели мутно и по-старушечьи печально: мало нам других бед, так теперь еще и морок под боком завелся.

– Что там за постройки? – поинтересовался Темре у полицейского, хранившего безучастно-значительный вид.

– Что у вас там? – повторил вопрос представитель власти, повернув голову к толпе.

Несколько голосов сообщило:

– Сарайки всякие...

– Имущество разное, то да сё...

– У каждого свой сарай на замок запирается...

– И была там еще мастерская деда Гайто, мастерил свои штуковины, пока не помер...

– И парни наши там пить собираются, девки к ним бегают...

– Понятно, – махнув толстой рукой, остановил поток объяснений полицейский. – Еще какие подробности нужны?

– Люди там сейчас есть?

Это важно. Если предстоит кого-то спасать, лучше знать об этом заранее, чтобы ненароком не опоздать, отвлекшись на обманные уловки, которые наваждение тебе подсовывает, пока разделяется с пойманной жертвой. Зеваки могут и не знать наверняка, был ли в яме на момент возникновения морока кто-нибудь живой, но вдруг все-таки сообщат полезную информацию? В этом компактном ветхом лабиринте враз не разберешься, есть в паре бутов от тебя, за покосившейся стенкой, нуждающийся в помощи человек или нет.

– Дочка моя там! – Заполосный возглас плотной круглолицей женщины в цветастой холле заставил всех обернуться. – Вайни моя! Люди говорят, видели, как она в этот туман ушла...

– С чего ты взяла, что она там, с какой такой дури она туда полезет, с какого краба ошпаренного в туман-то в этот заморочный? – рассудительно проскрипела другая здешняя обительница, кудлатая, вся в темном, под стать окружающему ландшафту.

– Так она за Харбо туда пошла, – возразил из людской гущи ломкий простуженный фальцет. – Ну, как обычно, идет за ним и повторяет: «Худой-хромой, не ходи домой», – и кидает орешками чернушника, чтоб за шкварник ему попасть, а он, как обычно, ежится и бегом от нее хромает, так и спустились, не поглядевши, какой туман нехороший, я-то им вслед крикнул, а они не отозвались, вот такие дела...

– Эта девица скорбна разумом? – улучив момент, когда словоохотливый очевидец заткнулся, уточнил Темре.

– Да какое там скорбна, сам ты... – возмутилась цветастая тетка, но благоразумно осеклась – не стоит грубить убийце наваждений, которому предстоит спуститься в эту серую муть, чтобы вызволить Вайни. – Поумнее многих будет, бойкая она просто. Ну что ж вы стоите-то, идите за ней, вам же за это деньги плотют!

– Вайни, как увидит у кого какой изъян, не дает спуска, и Харбо от нее совсем никакого проходу, вот такая она бойкая, бедный мужик от нее прячется, как от последнего душегуба, – обстоятельно пояснил черноусый дядька с выпяченным брюхом, слегка навеселе, и было не понять, осуждает он бойкую Вайни или, наоборот, одобряет. – Однажды в петлю сунулся, да передумал, сеструха у него младшая, пропадет без него.

– Ясно, – бросил Темре.

Ему было противно. Венгосы-трущобники ничуть не лучше гронси, «понаехавших» в Лонвар с островов, а кое в чем и похуже, но вслух он об этом никогда не говорил, чтобы не создавать себе ненужную репутацию. Разве что соглашался, если об этом заводил речь кто-

нибудь из венгосов. А сейчас надо поскорее погасить и свое отвращение к обрисованной ситуации, и все прочие эмоции, потому что его ждет морок, для которого недобрые людские переживания что дрожжи для теста.

В этом мерзком туманном студне находятся по меньшей мере два человека, мужчина и девушка. Будем надеяться, что они еще живы.

Темре уже шагнул к лестнице, когда сзади раздался возглас:

– Так вот же он, Харбо, сюда идет! Чего ты, малек, наплел, что он в яму двинул?

– Да я сам видел, как он туда двинул, он же кособочится, ни с кем не спутаешь, а за ним туда Вайни наострилась, и она куражилась над ним всю, как всегда, аж говорила на разные голоса, всяко рассусоливала: то пискляво, то с выражением, – возразил уже знакомый фальцет. – И назад они не поднимались, лестница-то как есть одна... Как так может быть, что Харбо здесь?

– Вот он прихромал, гляделки свои разуй!

– Значит, она туда пошла за морочаном! Слышь, убийца, морочан девку за собой увел, возьми на заметку!

Это Темре уже и без них понял. Дело обстоит хуже, чем он предполагал вначале: наваждение, которое способно заманивать, как правило, держит в запасе еще и другие сюрпризы.

– Господин убийца! – окликнул его слабый срывающийся голос.

Он оглянулся. Харбо и впрямь был болезненно худ – кожа да кости, невзрачное изжелта-бледное лицо, кожа на лбу морщится складками ранних морщин. Несуразно перекошенный, одно плечо выше другого, он ковылял как истощенный подбитый краб. Выпуклые глаза с нездорово красноватыми белками смотрели тревожно и просительно.

– У меня сестра пропала, – выпалил он, задыхаясь. – Нигде ее нет. Посмотрите ее внизу, господин убийца, вдруг она до нашей сарайки пошла за тряпьем, она коврики из тряпья делает на продажу...

– Это Джаверьена, что ли? – спросили из толпы.

– Кто-нибудь видел Джаверьену?

– Я видела, как она еще утром шла к сарайкам, а я тогда выходила за хлебом, она, может, давно уже домой вернулась, какого краба ошпаренного ей столько времени там делать...

– Так он же говорит, нету ее дома!

– А ты, Харбо, раньше-то куда смотрел, если только сейчас Джаверьены хватился?

– На работе я был, только пришел, – с отчаянием объяснил Харбо, борясь с одышкой. – Господин убийца, можно мне с вами? Вдруг она там...

– Нельзя, – отрезал Темре и поставил ногу на первую ступеньку, подштопанную по краям серой паутиной, – если бы он смотрел без маски, преображенная лестница выглядела бы как новенькая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.